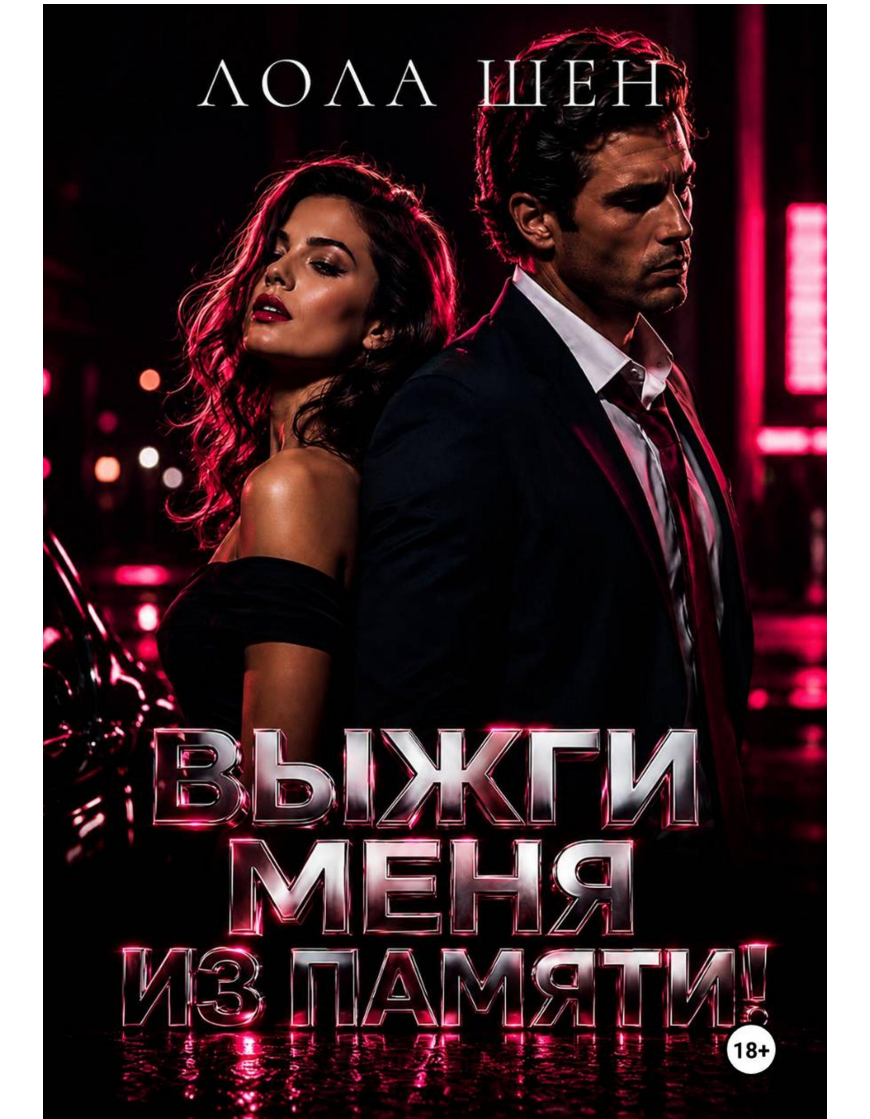

ЛОЛА ШЕН

ВЫЖГИ
МЕНЯ
ИЗ ПАМЯТИ!

18+

Лола Шен

Выжги меня из памяти!

<https://litres.ru/74321489>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты никто! Сдохнешь под забором!» — бросил мне муж, выставив ночью под дождь.

А ведь три недели назад я выходила замуж со слезами счастья. Пять лет мы строили карьеру, ждали квартиру на Ленинском и планировали Бали. Безупречный муж, успешный продажник — моя гордость. Всё рухнуло за несколько дней: улика в машине, скрытый пароль и извращённая изнанка его жизни, снятая мной на камеру. Муж оказался альфонсом — продавал себя богатой покровительнице ради контрактов, а меня использовал как ширму.

Пойманный с поличным, он швырнул мне разорванный иск на развод. У меня остался чемодан, съёмная комната в Медведково и пустыня в груди. Но я не ломаюсь. Пройду через холод московского одиночества, открою сердце новой страсти в Турции и стану счастливой. А лживый предатель ещё приползет к моим ногам.

В тексте: измена, сильная героиня, горячая любовь 18+, успешный новый герой, месть бывшему.

Дебютный роман, близкий к пережитому лично. Возможность выплеснуть и разделить с вами живые эмоции.

Содержание

Глава 1. Иллюзия рая	5
Глава 2. Счастливая Крис	9
Глава 3. Холодная постель	13
Глава 4. Ярость искупления	18
Глава 5. Продать всё, кроме Родины	22
Глава 6. Чужой след	27
Глава 7. Утро пятницы. Обратный отсчёт	31
Глава 8. Вскрытие архивов	35
Глава 9. Звонок из «Питера»	39
Глава 10. Горький исход	43
Глава 11. Клуб для избранных	48
Глава 12. Хозяйка и её пёс	52
Глава 13. Грязный контракт	56
Глава 14. Ложная петля	59
Глава 15. Изнанка	62
Глава 16. Выжженная зона	67
Глава 17. Ночной звонок	75
Глава 18. Юридический тупик	81

Лола Шен

Выжги меня из памяти!

Глава 1. Иллюзия рая

Апрельское утро в Москве часто пахнет дождём и спешкой, но кухня на двадцать втором этаже была наполнена правильным, дорогим уютом, сотканным из нот корицы, свежемолотой арабики и едва уловимого, горьковатого шлейфа парфюма Тимура.

Я стояла у панорамного окна и прижимала ладони к тёплой фарфоровой чашке. За стеклом расстился проспект, забитый утренними пробками, а здесь, в нашей небольшой квартире, царил абсолютный, почти стерильный покой. Мы поженились лишь три недели назад. Пять лет до этого проверяли чувства, ждали сдачи нашего дома, строили карьеру, а теперь проживали свой законный, выстраданный медовый месяц. Палец приятно сжимало элегантное кольцо из белого золота, и у меня до сих пор сладко ныло внизу живота, когда я слышала шаги Тимура за спиной. В новом статусе всё ощущалось иначе — глубже, надежнее.

— Крис, ты опять забыла позавтракать? — раздалось над самым ухом.

Сильные, тёплые руки скользнули мне на талию, мгновенно-

но пробивая током сквозь тонкий шёлк домашнего халата. Тимур уткнулся носом в мою шею, шумно вдыхая запах волос, и утренняя щетина приятно уколола кожу.

— Я не успеваю, Тим. У меня первая пара у третьего курса, а они после выходных невменяемые, — я повернулась в его объятиях, закидывая свободную руку на плечо.

Тимур был безупречен, как и всегда. Руководитель отдела продаж крупной компании просто не имел права на небрежность. Белоснежная рубашка, подчеркивающая рельефные плечи, идеальная укладка. Мой муж. Моя гордость.

— Подождут твои студенты, — глухо протянул он, и его губы накрыли мои.

Поцелуй был тягучим, со вкусом кофе и согревающей пряной сладости. Каждое его прикосновение отзывалось во мне дрожью. Пять лет назад мы встретились в фитнес-клубе, когда я, неуклюжая аспирантка, неправильно закрепила фиксатор и с оглушительным грохотом уронила все железные плитки в тренажёре, перепугав ползала, а он, уверенный в себе красавец, пришел на помощь. С тех пор спорт стал нашей священной традицией. Дважды в неделю — строго по вторникам и четвергам — мы тренировались вместе. Это было наше незыблемое правило, которое не могли отменить никакие авралы. Наш личный маленький ритуал.

— Тим, правда, я опоздаю, — с трудом оторвавшись от губ, выдохнула я. Поправила воротник его рубашки, разглаживая несуществующую складку. — У тебя сегодня во

сколько совещание?

— В два, плюс бесконечные летучки, — он отступил на шаг, возвращаясь к своему планшету, лежащему на кухонном острове. — Опять горит план, регионалы подвели. Скорее всего, задержусь допоздна, Крис. Не жди меня к ужину.

— Опять? — внутри шевельнулся едва заметный, крошечный червячок разочарования. В последнее время эти «планы» горели слишком часто, смазывая послевкусие нашей свадьбы.

— Кристин, ну ты же всё понимаешь, — Тимур поднял на меня карие бархатные глаза, в которых сейчас читалась легкая усталость. — Я делаю это для нас. Закроем второй квартал — полетим на Бали. Наш настоящий медовый месяц. Только ты и я. М-м-м?

Он улыбнулся — той самой улыбкой, перед которой я никогда не могла устоять. Очаровательной, немного мальчишеской. Минутная обида растаяла, как кубик льда в горячем кофе. Какой же я была душой. Муж пашет на износ ради нашего будущего, а я капризничаю.

— Хорошо. Но завтра вторник, Тим. Нашу тренировку мы не пропускаем, договорились? — напомнила я.

— Само собой, родная. Это святое, — он поцеловал меня в лоб, перехватил со стола ключи от машины и телефон.

Телефон. На долю секунды мне показалось, что он зажал его в ладони слишком судорожно, словно боялся, что я увижу экран. Но экран был тёмным.

— Люблю тебя, — бросил он уже у двери.

— И я тебя, — ответила я пустому коридору.

Если бы я только знала, что наш идеальный, пахнувший корицей мир уже дал трещину. Если бы могла предположить: пройдёт всего двенадцать часов, и безупречный мужчина, за которого я три недели назад выходила со слезами счастья, впервые заставит меня усомниться в нашей сказке. В сказке, которую он позже сотрёт в порошок.

Глава 2. Счастливая Крис

Корпус университета на Покровке встретил меня привычной суетой, шумом студенческих голосов и свежим запахом мокрого асфальта из открытых окон лекционной аудитории. Апрель в Москве капризничал, то и дело принимаясь сыпать мелкой крупой.

— Good morning, everyone. Open your books to page forty-two, please, — произнесла я, проходя к преподавательскому столу.

Голос прозвучал уверенно, но внутри всё ещё жило то ленивое, сладкое тепло, которое оставил утренний поцелуй Тимура. Наверное, я улыбалась слишком открыто для строгого преподавателя английской грамматики, потому что девчонки в первом ряду тут же зашептались, разглядывая моё обручальное кольцо. Оно мягко поблескивало под светодиодными лампами. Три недели в новом статусе, а я всё ещё ловила себя на глупой привычке крутить его пальцами другой руки, стоило мне задуматься.

Время пролетело незаметно. Студенты третьего курса, вопреки моим утренним опасениям, оказались на удивление вовлечёнными. Когда время пары подошло к концу, я с облегчением выдохнула и принялась собирать тетради.

— Кристина Николаевна, можно вас на секунду? — в дверях аудитории показалась Леночка, секретарь нашего депар-

тамента, девчонка с вечным небрежным пучком на голове. — Вас Инна Владимировна к себе звала. Там списки на майскую конференцию утверждают.

— Да, Леночка, сейчас зайду, спасибо, — кивнула я, застегивая замок сумки.

В коридоре ко мне тут же пристроилась Алина — коллега и по совместительству единственная близкая подруга на факультете. Она была старше меня на пять лет, пережила тяжёлый развод и теперь относилась к браку с изрядной долей здорового цинизма.

— Ну и чего мы сияем на весь коридор? — беззлобно подколола она, заглядывая мне в лицо. — Кристинка, от тебя за версту веет этим вашим приторным молодожёнским счастьем. Аж завидно.

— Не приторным, а законным, — рассмеялась я, прижимая к груди папку с планами занятий. — Мы пять лет к этому шли, имею я право побыть счастливой?

— Имеешь, имеешь, — Алина вздохнула, и в её глазах промелькнула мимолётная грусть. — Твой Тимур всё так же идеален? Кофе в постель, цветы без повода?

— Сегодня была арабика с корицей. И обещание полететь на Бали, как только он закроет квартал, — я попыталась замаскировать гордость под лёгкий, наигранный вздох. — Правда, работает сейчас на износ. Опять сегодня задержится допоздна, план у них там горит.

Алина остановилась у окна, выходящего во внутренний

дворик, и внимательно посмотрела на меня.

— Задерживается, говоришь? Главное, Крис, чтобы эти «планы» не стали слишком регулярными. Продажники — они такие. Постоянно в стрессе, постоянно среди людей...

В груди на секунду замерло сердце. Перед глазами вспыхнуло утреннее воспоминание — то, как судорожно Тимур перехватил потемневший телефон перед самым уходом. Червячок сомнения, который, казалось, благополучно уснул ещё дома, снова приподнял голову.

«Глупости, — мысленно одёрнула я себя, чувствуя, как к щекам приливает жар. — Мы пять лет вместе. Знаем друг друга наизусть. Каждая родинка, каждый жест... Он просто устаёт».

— Тим не такой, ты же знаешь, — тихо, но твердо ответила я, скорее самой себе, чем подруге. — Он ради нас старается. Квартуру вот обставляем...

— Да знаю я, знаю, твой Тимур — святой, — Алина примирительно подняла руки. — Ладно, беги, а то Инна Владимировна сама за тобой придёт. Вечером-то какие планы?

— Домой. Приготовлю лазанью, завернусь в плед и буду проверять эссе первокурсников. А завтра у нас тренировка. Вторник — это традиция.

Я улыбнулась Алине, развернулась и пошла по длинному коридору, стараясь чеканить шаг каблуками.

Спина прямая, подбородок поднят. Всё хорошо. У меня идеальный муж, уютный дом и впереди — целая жизнь, рас-

писанная по правильным, счастливым пунктам.

Я достала из кармана телефон, чтобы написать Тимуру короткое: «Удачного дня, родной. Люблю». Набрала текст и нажала «отправить». Ответа не последовало, хотя две серые галочки тут же окрасились в голубой цвет — прочитано.

Ладно. Наверное, у него как раз началась очередная дневная летучка.

До того, как моя хрустальная сказка начнет рушиться, оставалось чуть меньше десяти часов.

Глава 3. Холодная постель

Дорога от Покровки до нашей высотки на Ленинском проспекте заняла около часа. В такую погоду спускаться в переполненное метро не хотелось, но стоять в бесконечных деятибалльных пробках на такси было бы ещё хуже, поэтому я выбрала подземку. Дождь, начавшийся ещё днём, к вечеру превратился в унылую, нескончаемую стену воды. Наш жилой комплекс возвышался над залитым огнями проспектом, уходя шпилем в низкие тучи. На двадцать втором этаже шум машин стихал, превращаясь в ровное, глухое гудение. На второе авто мы пока не заработали, да и в центре оно было мне ни к чему, но сегодня, отряхивая зонт в прихожей после пробежки от метро, я остро пожалела об отсутствии тёплого салона.

Впрочем, хандра быстро улетучилась. Вскоре я уже возилась на кухне под неброский джаз из беспроводной колонки. Запах запекающегося теста, сочного фарша и орегано медленно заполнял квартиру, вытесняя дневную сырость. Лазанья получилась идеальной — с золотистой сырной корочкой, именно такой, как любил Тимур.

Часы на духовке бесстрастно мигнули: 21:40.

Я переоделась. Вместо привычного мягкого оверсайз-костюма выбрала то самое шёлковое бежевое бельё из свадебного комплекта и накинула сверху тонкий халат. Наш медо-

вый месяц ведь ещё не закончился, верно? Мне отчаянно хотелось смыть с себя липкий, глупый дневной страх, навеянный токсичными разговорами с Алиной. В конце концов, голубые галочки в мессенджере без ответа — это просто высокая загруженность. Мой муж руководит серьёзным отделом, он не обязан строчить мне отчёты каждую минуту.

Тимур вернулся в начале одиннадцатого.

Звук поворачивающегося в замке ключа заставил сердце радостно подпрыгнуть. Поспешила в прихожую.

— Привет, родной, — я шагнула к нему, оббивая руками шею и утыкаясь носом в воротник. Шелк халата мгновенно впитал холод уличной ткани.

— Привет, Крис, — голос мужа прозвучал глухо, надламывая уютную тишину квартиры.

Он приобнял меня, но как-то дежурно, смазанно. Едва коснулся губами щеки, тут же отстранился и принялся растёгивать тонкое кашемировое пальто. Под глазами Тимура залегли тёмные тени, плечи были опущены — муж выглядел предельно уставшим.

— Как пахнет... Лазанья? — он попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной. — Прости, Крис, я совсем никакой. Весь день на нервах, ещё и эти регионалы под вечер приехали... Безумно устал. Даже есть не хочу. Просто в душ и спать.

Внутри что-то тихонько звякнуло, словно треснуло тонкое стекло. Взгляд упал на накрытый кухонный остров, на две

сиротливые тарелки, на зажжённую свечу.

— Да, конечно, — я подавила вздох разочарования, мягко погладив его по плечу. — Иди в душ, я всё уберу.

Пока в ванной шумела вода, удалось аккуратно упаковать остывающую лазанью в контейнер и спрятать в холодильник. Задула свечу. В темноте кухни тлеющий фитилёк показался символом моих глупых, неоправданных ожиданий.

Когда Тимур вышел, завернувшись в полотенце, он сразу упал на кровать. Я скользнула под одеяло следом. Повернувшись к нему, вплотную прижимаясь всем телом сквозь тонкий шёлк, провела ладонью по его груди, спускаясь ниже к животу. Мои пальцы искали привычное тепло, ту самую искру, которая всегда вспыхивала между нами от одного прикосновения.

— Крис, пожалуйста... — Тимур мягко, но непреклонно перехватил руку, возвращая её обратно на мою половину постели. — Я правда не могу. С ног валюсь. Давай завтра, хорошо? Перед тренировкой.

Он повернулся ко мне спиной и натянул одеяло до плеч. Через пару минут его дыхание выровнялось — он уснул.

А я осталась лежать в темноте, глядя на его широкую, такую родную и одновременно бесконечно чужую спину. Постель казалась ледяной. Ощущение ненужности и какого-то липкого стыда обожгло изнутри. За пять лет наших отношений он ни разу не отказывался от близости. Никогда. Даже когда сдавал годовые отчеты, даже когда мы валились с ног

от усталости после фитнеса.

Сон не шёл. Голова гудела от глупых, пугающих догадок. Примерно через полчаса я тихо, стараясь не шуршать простынями, сползла с кровати. Ноги сами понесли в прихожую — туда, где на вешалке сиротливо дремало кашемировое пальто.

Зачем я подошла к нему? Не знаю. Наверное, то был подсознательный зов опасности, который невозможно проигнорировать.

Протянув руку, я коснулась мягкой ткани. Вспыхнувший при встрече водоворот из запахов сырого дождя и кухонного орегано наконец утих, и теперь, в ночной прохладе коридора, пальто раскрыло свою настоящую, пугающую тайну. Я уткнулась лицом в воротник, ожидая почувствовать привычные горьковатые ноты табака и кедра.

Но вместо них ударил чужой, удушающе-сладкий аромат. Предельно концентрированный. Смесь дорогой пудры, припорошенной ванили и... белой лилии. Так пахнет женщина, которая сидела слишком близко. Женщина, которая обнимала моего мужа за плечи, оставляя этот след на его одежде. Чужой парфюм вьёлся в воротник — и я со стеклянной ясностью осознала, от чего именно Тимур так тщательно отмылся под тёплыми струями душа.

Сердце пропустило удар, а к горлу подкатил тяжёлый, горький ком. Но внутри всё ещё отчаянно цеплялась за жизнь глупая надежда: этого просто не может быть. Должна

быть причина. Подозрения напрасны, а моё счастье — нерушимо.

Глава 4. Ярость искупления

Следующий день прошёл как в полусне. В фитнес-клубе на Ленинском всё шло по накатанной — наша железная традиция. Мы синхронно разминались, Тимур привычно страховал меня на приседаниях, его ладони на моих бёдрах были крепкими и уверенными. Пока шли занятия в университете, я убеждала себя, что сошла с ума от глупой ревности, и теперь, глядя на его сосредоточенное, родное лицо, окончательно успокоилась. Но внутри всё равно щёлкал какой-то судорожный, опасный предохранитель. Мне отчаянно, до дрожи в пальцах, нужно было доказать самой себе: этот мужчина принадлежит мне. Весь, до последней капли. Ни одна женщина в мире не сможет дать ему то, что даю я.

Квартира встретила нас уютным теплом. Пока муж переодевался после тренировки и принимал ещё раз душ, я разогрела вчерашнюю лазанью. Аромат орегано и запеченного сыра снова заполнил кухню, прогоняя остатки ночных страхов.

— М-м-м, Крис, это божественно, — Тимур, уже в простых домашних шортах и с влажными волосами, с аппетитом принялся за ужин. — Прости за вчерашнее. Я правда был как выжатый лимон.

— Всё хорошо, Тим. Всё понимаю, — ответила я, грея ладони о чашку с чаем и глядя, как он ест. Мой мужчина.

Домашний, родной, расслабленный.

Когда Тимур отодвинул пустую тарелку и потянулся, чтобы поблагодарить меня, я не дала ему сказать ни слова. Жажда обладания захлестнула изнутри. Поднявшись, обошла кухонный остров и уверенно села к нему на колени, лицом к лицу, плотно обхватывая бедрами его талию.

— Крис? — в потемневшем взгляде мужа промелькнуло удивление, мгновенно сменившееся тягучим, голодным блеском.

— Молчи, — выдохнула прямо в губы.

Поцелуй был не таким, как обычно — не нежным и покорным, а яростным, с властной, дикой агрессией. Мои пальцы намертво запутались во влажных волосах Тимура, заставляя запрокинуть голову, язык требовательно и жадно исследовал его рот. Приходилось буквально вжиматься в него, ломая любые барьеры. Шёлк короткого халата зашуршал, когда сильные руки мужа легли на мои ягодицы, сжимая их до слабой боли, пытаюсь перехватить контроль. Но сегодня уступать инициативу я не собиралась.

Сама потянулась к шнурку его шорт, резко дёргая ткань вниз. Хотелось чувствовать кожу, силу, сумасшедший пульс. Тонкая ткань полетела на пол. Бежевое кружево белья, которое вчера осталось незамеченным, сегодня заставило Тимура тихо, гортанно зарычать.

Тимур отнёс меня в комнату и попытался уложить на диван по своему привычному властному сценарию. Но я лов-

ко извернулась, перехватив инициативу, и оказалась сверху. Упёршись ладонями в его рельефную грудь, плотно придавила его лопатками к поверхности. Смотрела прямо в глаза — дерзко, вызывающе, сбрасывая маску послушной жены и строгого преподавателя. Сейчас здесь была только женщина. Его женщина. Накалённая до предела.

— Кристина... — выдохнул он, и в голосе смешались шок и бешеное, первобытное желание. Пальцы мужа до побелевших костяшек впились в мои бёдра.

Я опустилась на него сама — резко, глубоко, до упора. Из груди вырвался хриплый, рваный стон, а в глазах на секунду потемнело. Но это была чистая, концентрированная эйфория. Задала сумасшедший, лихорадочный темп, двигаясь с той одержимостью, которую мы до этого открывали разве что на пике медового месяца. Полностью растворилась в этой физиологии, выжигая из памяти ночные страхи, запах чужих лилий, голубые галочки в телефоне. Были только мы. Тяжёлое дыхание Тимура, перекачивающиеся под ладонями мышцы и эта дикая, первобытная сцепка.

Муж не выдержал атаки. Сдался, подчиняясь ярости. Он приподнялся, обнимая меня за спину, вжимая в себя так сильно, что казалось, треснут ребра. Двигался навстречу — мощно, глубоко, выбивая из меня остатки воздуха. Мы сгорали в этом огне вместе, ловя губами стоны друг друга.

Пик накрыл нас, как взрывная волна. Оглушительный, лишаящий рассудка. Я до боли закусила плечо мужа, сдер-

живая крик, пока тело содрогалось в затыжном, мучительно-сладком спазме. Тимур хрипло вскрикнул мне в шею, намертво фиксируя в железных объятиях.

Еще долго после этого мы лежали в полумраке гостиной на разложенном диване. Тимур тяжело дышал, уткнувшись лбом в моё плечо, а его рука лениво поглаживала талию. Я смотрела в темный потолок, чувствуя, как по щеке катится глупая, облегчённая слеза.

Я больше, чем просто хорошая жена, которая ждёт его с лазаньей. Его лучшая любовница. Идеальная женщина, без которой он не сможет дышать.

«Какая же я дура, — думала, бережно поглаживая его по влажной спине и вдыхая родной запах кожи. — Обычная, ревнивая дура. Всё у нас хорошо».

Тогда я наивно верила, что эта безумная ночь окончательно спасла наш брак. И не знала, что чувственная вспышка была лишь затишьем перед настоящей бурей, которая начнется ровно через два дня, когда маски будут сброшены окончательно.

Глава 5. Продать всё, кроме Родины

Среда тянулась бесконечно, словно её залили густым, липким сиропом. В университете я механически начитывала лекции, писала на доске грамматические конструкции и правила, но мои мысли были далеко от Покровки. Я изо всех сил цеплялась за ночные воспоминания. О том, как яростно и отчаянно мы растворялись друг в друге на разложенном диване. Наш брак не разрушен. Между нами всё ещё есть любовь. А то СМС... Мало ли какие глупые шутки бывают у знакомых по фитнесу? Мужчины в залах часто ведут себя как подростки.

Но червяк сомнения не умер. Он просто затаился, выедавая меня изнутри.

После шести вечера я уже была дома. Приготовила лёгкий салат, но прикоснуться к нему не смогла — в горле застрял тугой, болезненный ком. Время ползло. Восемь вечера. Девять — я в сотый раз проверила экран. Десять. На мои сообщения Тимур так и не ответил. Две серые галочки упрямо не хотели окрашиваться в голубой цвет. Мобильный был вне зоны доступа.

Я сидела в кресле в темноте, обняв колени, и смотрела на бесконечную змею автомобильных огней на Ленинском про-

спекте. Наша квартира, которая ещё три недели назад казалась вершиной блаженства и безопасности, сегодня ощущалась клеткой. Бездушной коробкой из бетона и стекла.

Щелчок дверного замка раздался, когда стрелки часов перешагнули за половину двенадцатого.

Я вздрогнула, быстро поднялась и пошла в прихожую. Тимур стоял, прислонившись плечом к стене, и с трудом стягивал правый ботинок. Галстук был развязан и торчал из кармана пиджака, верхняя пуговица рубашки оторвана, а волосы, обычно идеально уложенные, растрепались. От него за метр разило дорогим коньяком, сигарным дымом и вьедливым ресторанным шлейфом. Он был ощутимо, нагло пьян — «в хлам», если сказать попроще, но в кругу продажников это называлось «тяжёлым бизнес-ужином».

— О, Крис... Детка, ты не спишь? — он поднял на меня затуманенный, блуждающий взгляд и глупо улыбнулся.

— Тим, где ты был? Я с ума сходила, телефон недоступен, — я шагнула ближе, протягивая руки, чтобы помочь ему снять пиджак.

Он шумно выдохнул, перехватил мои запястья и притянул меня к себе, опираясь всем своим тяжёлым телом. В его движениях не было прежней бережности — только хмельная, сытая развязность.

— Крис, ты не понимаешь... Это был не день, это была битва! — он громко рассмеялся мне в ухо, обдавая густым перегаром. — Мы дожали клиента. Два часа в ресторане ула-

мывал их генерального. Он упирался как баран, но против нашего напора не погрёшь. Контракт в кармане! Босс завтра руку пожмёт.

Тимур самодовольно откинул голову назад, его лицо сияло торжеством сытого хищника. Он прижал меня к себе сильнее, почти больно, и с гордостью выдохнул:

— Мои пацаны в отделе — боги, Крис. Запомни это. Мы лучшие продавники в этой чёртовой столице. Мы можем продать абсолютно всё. Вообще всё в этом мире, кроме Родины, пожалуй!

Он снова громко рассмеялся, а у меня внутри в этот момент что-то оборвалось. Холодная, пронизательная мысль на секунду протрезвила мой страх. «Абсолютно всё?» — эхом отозвалось в голове. Со стеклянной, жуткой ясностью я вдруг поняла, что ради красивой жизни и цифр на банковской карте эти люди действительно способны продать что угодно. И собственную душу, и меня вместе с ней.

— Пойдём в спальню, Тим. Тебе нужно лечь, — тихо сказала я, высвобождаясь из его хватки.

— Да... Спать. Я труп, Крис. Просто труп.

Он даже не стал разуваться до конца — небрежно скинул левый ботинок прямо посреди коридора. Кое-как дошёл до кровати, рухнул на неё в брюках и несвежей рубашке. Ни о каком душе, ни о каком ужине речи даже не шло. Через минуту комната наполнилась его тяжёлым, хмельным храпом.

Я осталась стоять у края постели. Медленно опустилась

на свою половину, не раздеваясь. И в ту же секунду меня накрыло.

Из-под его головы, от воротника рубашки, от раскинутых рук нагло, удушливо и торжествующе поднимался тот самый запах. Вчера я надеялась, что мне показалось. Что дождь смыл этот кошмар. Но сейчас, в закрытой комнате, пудровая ваниль и приторно-сладкая лилия буквально душили меня. Этот парфюм въелся в его кожу. Он притащил чужую женщину в нашу постель, даже не удосужившись смыть её следы.

Меня затрясло. Горло свело удушливым спазмом тошноты. Я зажала рот ладонью, сдерживая уже рвущийся наружу крик.

Взгляд упал на прикроватную тумбочку. Там, рядом с часами, лежал его телефон.

Пальцы онемели от холода, едва я потянулась к мобильному. Сердце отдавалось в барабанных перепонках. Попыталась приложить палец мужа к сканеру, но рука его лежала неудобно, соскальзывала, а экран упрямо требовал пин-кода. Ладно. Судорожно ввела привычную комбинацию — дату нашего знакомства. Код, который знала наизусть.

Экран коротко завибрировал и выдал безжалостную строчку: «Неверный пароль. Попробуйте ещё раз».

Внутри меня всё вдребезги рассыпалось. Он сменил пароль. После моей вчерашней яростной вспышки на кухне, после того как я пыталась выгнать из него чужую женщину своим телом, он просто испугался. И запер от меня свою

жизнь. Доверия больше не существовало.

Я сидела на коленях посреди ледяной постели, сжимая в руке чужой, заблокированный телефон. Вдруг в темноте спальни экран мобильного тревожно мигнул. Без звука. Потом ещё раз. И ещё.

Один за другим на дисплей посыпались пуши. Настройки скрывали текст — вместо сообщений отображалось лишь сухое, обезличенное: «Новое уведомление». Но сам безмолвный, ритмичный танец неоновых светов в полночной тишине был красноречивее любых слов. Кто-то на той стороне настойчиво, уверенно и по-хозяйски звал моего мужа.

Экран гас и снова вспыхивал, отражаясь в моих расширенных от ужаса и ярости зрачках. До сброса масок оставалось совсем немного времени. Но я больше не собиралась плакать. В этой темноте рождалась новая Кристина. И она была готова к войне.

Глава 6. Чужой след

В четверг я проснулась со странной, парящей лёгкостью в теле. Шок прошёл, оставив после себя прохладную пустоту. Весь день на Покровке я держала лицо: улыбалась коллегам, строго спрашивала со студентов, но внутри горел затаённый, расчётливый огонь. Вечером нас ждал фитнес. Семейный ритуал. И я не собиралась его отменять.

В зале на Ленинском я занималась с каким-то ожесточением. Железо казалось непривычно податливым. Подход за подходом, большой вес — скопившаяся ярость выплёскивалась в тяжёлый лязг тренажёров. Мышцы горели, но это изнурение было отрезвляющим, правильным. Оно глушило боль в груди.

Тимур на моём фоне выглядел жалко. Вчерашняя пьянка давала о себе знать: лицо было бледным, под глазами залегли серые тени, руки на грифе штанги заметно подрагивали. Он постоянно хватал бутылку с водой, тяжело дышал и то и дело просил перерывы. Глядя на него сквозь зеркальную стену зала, я ловила себя на незнакомом, почти брезгливом чувстве. Мой безупречный муж, мой успешный начальник отдела продаж сейчас казался помятым и слабым.

Когда тренировка закончилась, мы вышли на парковку. В полумраке наша белая «Мазда» тускло поблескивала в сиянии вечерних огней. Тимур едва тащил ноги и спортивную

сумку.

— Крис, я просто никакой, — пробормотал он, доставая ключи. — Голова раскалывается, вечерний коньяк до сих пор аукается. Вчера машину у ресторана оставил и на такси доехал. Днём пришлось на каршеринге за ней возвращаться...

— Ничего, родной, сейчас доберёмся домой, я сделаю тебе крепкий чай, — мягко отозвалась я, послушно подыгрывая его легенде.

Тимур забрал у меня вещи.

— Ладно, садись, погрейся, а я пока в багажник всё закину.

Он обошел автомобиль. Хлопнула тяжёлая дверь, и я оказалась в привычном тепле пассажирского сиденья. Салон пах мягкой кожей и автомобильным парфюмом, но сквозь этот знакомый аромат мне снова померещился едва уловимый, удушливо-сладкий шлейф белой лилии.

Паранойя? Возможно.

Полезла в сумочку за гигиенической помадой — губы после тренировки сильно пересохли. Рука дёрнулась, и маленький пластиковый тюбик выскользнул из пальцев, с тихим стуком улетев куда-то вниз, в узкую щель между моим сиденьем и центральной консолью.

Нагнувшись, я опустила руку на ковролин под креслом. Пальцы долго шарили в темноте, перебирая мелкие ворсинки. Наконец ладонь наткнулась на что-то гладкое и тяжёлое.

Я сжала находку в кулаке, прекрасно понимая, что это точно не моя копеечная помада.

Когда я выпрямилась и разжала кулак под тусклым светом потолочного плафона, сердце пропустило удар.

На моей ладони лежал роскошный, массивный прямоугольный футляр из тяжёлого лакированного металла с золотым тиснением. Tom Ford. Эксклюзивная, дорогая линейка. Я медленно, со звучным щелчком сняла колпачок.

Из тюбика нагло, торжествующе и удушливо ударил тот самый аромат — пудры, ванили и белой лилии. Этим тяжёлым, возрастным оттенком пользовались совсем недавно — косой срез темно-бордовой, зрелой вишни был свежим и гладким.

Подобную вызывающую роскошь футляра выбирают женщины совсем другого статуса. Не юные девочки из фитнес-клуба, а властные. Влиятельные. Богатые. Те, кто привык покупать всё, что им нравится. И сейчас я занимала место, на котором ещё вчера эта дама оставляла следы, пока мой муж вёз её куда-то.

В горле встал раскаленный ком, а пальцы свело судорогой. Хотелось швырнуть этот проклятый кусок воска ему в лицо, закричать, разбить лобовое стекло. Но сзади глухо хлопнула крышка багажника.

Я судорожно спрятала чужую помаду глубоко в карман пальто, сжав её в кулаке так, что грани металла врезались в кожу. В эту же секунду водительская дверь открылась, и Ти-

мур тяжело опустился на сиденье рядом со мной. Он шумно вздохнул, нажал кнопку зажигания, и приборная панель вспыхнула неоновым светом, отражаясь в его усталых глазах.

— Ну что, Крис, помчались? — муж повернулся ко мне и попытался изобразить подобие нежности.

Моё лицо было мертвенно-бледным, но я заставила губы растянуться в идеальной улыбке послушной жены.

— Конечно, дорогой. Поехали домой.

Машина мягко тронулась, выезжая с парковки в залитую огнями дождливую московскую ночь. По лобовому стеклу поползли первые тяжёлые капли. На дисплее тихо сменялись электронные цифры, отсчитывая последние мгновения нашей фальшивой сказки.

Завтра была пятница. День, когда образцовый супруг должен умчаться в «важную командировку» в Питер. Теперь всё сходилось: враньём оказались и бронь отеля, и встречи с клиентами. Он даже не подозревал, что сценарий этих выходных переписан. Билет будет в один конец. Поездка состоится, но платой за неё станет полный, безоговорочный крах всего, что он так тщательно от меня скрывал.

Глава 7. Утро пятницы.

Обратный отсчёт

Утро пятницы не принесло ожидаемого облегчения. Оно лишь окончательно заперло ту игольчатую, звенящую пустоту, которая поселилась в груди после страшной находки на парковке фитнес-клуба. Шок, душивший последние двое суток, уступил место прохладному, почти хирургическому расчёту. Я больше не плакала. Это казалось слишком дорогой, непозволительной роскошью. Вместо слёз внутри горел ровный, белый огонь ярости.

Тимур порхал по квартире с непривычной, суетливой энергией. Похмелье, накрывшее его накануне после «тяжёлого бизнес-ужина», чудесным образом испарилось — то ли от предвкушения предстоящих выходных, то ли от мощного выброса адреналина. Панорамный кухонный остров был залит ярким весенним солнцем, но этот свет больше не казался тёплым. Он выглядел безжалостным софитом, высвечивающим каждую деталь нашего фальшивого благополучия.

Я стояла у кофемашины, механически сжимая пальцами теплую чашку. Из прихожей, сквозь зеркальную дверь гардеробной, было видно, как Тимур тщательно, с каким-то особым трепетом выглаживал воротнички белоснежных рубашек. Два дорогих костюма, тонкий кашемировый джемпер,

шёлковый галстук — всё это аккуратно, вещь к вещи, отправлялось в стильный кожаный чемодан. Он выглядел холёно. Тот самый мужчина, в которого я влюбилась пять лет назад. Моя гордость. Моя самая сокрушительная ошибка.

— Крис, ты какая-то бледная сегодня, — бросил он мельком, застёгивая серебряные запонки. В карих, бархатных глазах на секунду промелькнуло сытое, поверхностное беспокойство. — Точно всё в порядке? Под глазами тени. Может, тебе витамины какие-нибудь купить? Или в спа-салон сходи на выходных, расслабься. А то со своими студентами совсем себя извела.

— Всё хорошо, Тим. Просто эссе третьего курса до трёх ночи проверяла. — Губы послушно растянулись в той самой идеальной, вышколенной улыбке покорной жены, отрепетированной вчера в машине.

Внутри всё клокотало. Хотелось с размаху вцепиться ногтями в его холёное лицо. Сорвать эту гладкую, фальшивую маску заботливого супруга. Швырнуть под ноги тяжёлый металлический футляр Tom Ford, который сейчас жёлчно и тяжело давил на бедро сквозь карман домашнего шёлкового халата. Но я молчала. Гордость — это всё, что у меня осталось. Если устроить скандал прямо сейчас, здесь, среди дорогого уюта, он выкрутится. Тимур — мастер переговоров. Назовёт меня сумасшедшей, спишет всё на паранойю, запутает, спрячет концы в воду, а меня заставит чувствовать себя виноватой истеричкой. Нужны были неопровержимые фак-

ты. Капкан должен захлопнуться так, чтобы муж не смог вырваться. Чтобы ни одно его лживое слово больше не имело веса.

— Ну, я поехал, родная, — Тимур подхватил чемодан, проверил часы и одарил меня своим фирменным, мальчишеским прищуром. — «Сапсан» в одиннадцать. В Питере сразу с вокзала на летучку, партнёры сложные, так что до ночи могу быть недоступен. Не теряй меня, ладно? В воскресенье вечером буду как штык. Привезу тебе огромную корзину тех самых питерских пышек, которые ты любишь.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня в губы. По привычному, заученному за пять лет сценарию. Я едва заметно, ювелирно качнула головой, подставляя под сухие прикосновения щёку. Сердце болезненно замерло, когда шлейф дорогого табака и кедра коснулся лица. Теперь я знала, какой удушливой, приторной лилейной сладостью этот кедр закроется уже к сегодняшнему вечеру.

— Удачной дороги, Тим. Закрой этот контракт, — тихо сказала я, глядя мимо его плеча.

— Обязательно, малыш. Мы же летим на Бали, помнишь? Всё ради нашего будущего. Ради нас.

Дверь закрылась со звонким, металлическим щелчком, который эхом разнёсся по пустой квартире.

Я осталась стоять в прихожей, глядя на тёмное полотно двери. Медленно повернулась к настенному зеркалу. На меня смотрела женщина с непривычно жёстким, остановив-

шимся взглядом и плотно сжатыми, бескровными губами. Счастливая, мягкая Крис, которая верила в сказки и таяла от утренних поцелуев, осталась в прошлом. Её больше не существовало.

Достала из кармана телефон. Пальцы уже не дрожали. Короткое касание экрана — и пошел вызов.

— Алина? Привет. Извини, что так рано. Мне нужна твоя помощь. Ты помнишь знакомого, который занимался частным сыском, когда ты разводилась с бывшим? Мне нужен его номер. Прямо сейчас, Алин. Пожалуйста, без лишних вопросов. Я всё объясню позже.

Глава 8. Вскрытие архивов

Занятия в университете на Покровке я отменила впервые за три года работы. Позвонила в учебный офис и, сославшись на внезапный, жестокий приступ мигрени, попросила Инну Владимировну перенести пары на следующую неделю. Менеджер повздыхала в трубку, поворчала про расписание и студентов, но разрешение дала. Какая, к чёрту, английская грамматика, какие правила и времена, когда собственная жизнь прямо сейчас превратилась в хаотичный набор непроизносимых звуков и сломанных конструкций?

Я села за кухонный остров, на то место, где ещё во вторник вечером мы яростно, до безумия любили друг друга. Рядом на гладкой кварцевой поверхности лежал старый планшет Тимура — серебристый гаджет, заброшенный месяц назад после покупки нового флагманского смартфона. Тимур был богом продаж, но в вопросах цифровой гигиены оставался непростительно беспечным домашним парнем. Он никогда не выходил из рабочих аккаунтов на старых устройствах, считая квартиру зоной абсолютной, стерильной безопасности. Местом, где никто и никогда не станет копаться в его вещах.

Пальцы скользнули по стеклу, открывая иконку браузера. Семейное облако, общая сеть, автоматическая синхрониза-

ция вкладок. На экране развернулась его рабочая корпоративная почта. Нас, филологов, годами учили работать с текстами. Наша профессия — анализировать массивы информации, искать скрытые смыслы между строк, вычленять маркеры лжи и распутывать сложные цепочки слов. Сейчас мне предстояло применить академические знания, чтобы исследовать мужчину, с которым я делила постель, планы и мечты.

В поисковой строке писем я первым делом ввела «Tom Ford». Пусто. Никаких заказов в интернет-магазинах, чеков из ЦУМа или парфюмерных бутиков. Логично. Такую помаду эксклюзивной линейки мужчины редко покупают сами для тайных интрижек. Её оставляют как метку. Или дарят те, у кого этот бренд килограммами скупается на платиновые карты.

Тогда я зашла с другого конца. Вспомнила его хмельной, самодовольный бред в среду ночью: «Два часа в ресторане уламывал их генерального... Контракт в кармане! Босс завтра руку пожмёт». Открыла архив отправленных писем за последний месяц, выставя фильтр по самым крупным тендерам. Внимание сразу привлек свежий, только что утвержденный контракт со строительным холдингом «Монолит-Регион». Сумма сделки в прикрепленном PDF-файле была внушительной. За этот квартал Тимур должен был получить комиссионные, на которые можно купить незамысловатую малолитражку. Первое авто лично для меня. Мою давнюю мечту.

Я вбила название холдинга в поисковую строку Яндексa, перешла на официальный сайт и открыла раздел «Руководство». Из окна браузера на меня глянуло лицо генерального директора — Елены Шестаковой. Я всматривалась в неё, и внутри разливался горький, удушливый яд, выжигающий остатки девичьих иллюзий. Она не была роковой экранной красоткой, к которым обычно ревнуют жёны.

На парадном фото Шестакова выглядела зрелой, грузной женщиной с тяжёлым, властным подбородком и жёстким, пронизательным взглядом маленьких глаз из-под короткой, почти мужской стрижки. Плотное телосложение не мог скрыть даже идеально скроенный, безумно дорогой брендовый костюм. Настоящая, хладнокровная «железная леди», которая привыкла ломать людей об колено. На её пухлых, коротких пальцах поблескивали массивные перстни, а губы были аккуратно накрашены... той самой тёмно-бордовой, глубокой вишневой помадой.

На секунду мне показалось, что стены светлой кухни сжались, лишая кислорода. Воздух стал плотным, как цементный раствор.

Мой холёный, спортивный Тимур, дважды в неделю до седьмого пота истязавший себя в тренажёрном зале, брезгливо морщившийся при виде лишней ложки сахара в десерте и маниакально следивший за рельефом пресса... Мой идеальный муж спал с этой немолодой, обрюзгшей женщиной ради контракта со многими нулями. Медовый месяц, обещанное

Бали — всё было цинично оплачено тем, что он подкладывал своё молодое, пахнущее кедром тело под всесильную, богатую клиентку. Он продавал себя. По частям. По часам.

В этот момент экран планшета тихо мигнул. Синхронизированный рабочий календарь Тимура обновился через корпоративный сервер. На пятницу, субботу и воскресенье там сияла лаконичная, сухая деловая отметка: «12:00. Корпоративный выезд. Загородный клуб "Verde Resort", Истра. Номер Люкс».

Никакого Питера. Никакого вокзала и «Сапсана». Он уехал в Подмосковье. Капкан был взведён на лживого продавца. И я собиралась нажать на рычаг.

Глава 9. Звонок из «Питера»

Пятница перевалила за полдень, но время словно остановилось. После утреннего марафона за старым планшетом мужа я чувствовала себя выжатой, будто из вен разом откачали всю кровь. Звонок от частного детектива, контакты которого скинула Алина, раздался ровно в час дня. Мужчина представился Олегом. Говорил коротко, сухо, без лишних расспросов и неуместного сочувствия — настоящий профессионал, привыкший иметь дело с изнанкой чужих идеальных браков. Я перевела ему крупный аванс с личной заначки, отложенной за годы изнурительного репетиторства, продиктовала рабочие данные Тимура и адрес загородного клуба в Истре. Капкан пришёл в движение. Мне оставалось только ждать первых отчётов.

В начале третьего ожил телефон. На экране высветилось лаконичное: «Тим».

Сердце мгновенно сорвалось в бешеный, рваный галоп, больно ударив в рёбра. Глубокий вдох. Я заставила мышцы лица расслабиться — словно муж мог видеть меня сквозь километры лжи — и провела пальцем по экрану.

— Да, Тим, привет. — Голос прозвучал на удивление ровно. Преподавательская привычка держать аудиторию под контролем сейчас спасала от паники.

— Привет, малыш! — в трубке зашумел неестественно громкий гул. Тимур явно сидел в закрытом пространстве, но на заднем плане фоном шла аудиозапись оживлённой улицы или вокзала. Этот дешёвый трюк продавцов для создания «эффекта присутствия» я считала мгновенно. — Фух, еле добрался. В Питере на дорогах полный коллапс, от Московского вокзала до отеля полтора часа на такси тащился. Представляешь, как застрял?

— Верю, родной. Питер в пятницу всегда забит. — Я послушно кивала пустой комнате, чувствуя, как на губах закипает горькая, ядовитая слюна. — Ты уже заселился? Какой отель в этот раз вам забронировали?

— Да какой-то ведомственный, Крис, партнёры сами всё выбирали, — отмахнулся он, и в голосе промелькнула едва заметная, фальшивая нотка раздражения. — Названия даже не запомнил, какая-то серая коробка на Петроградке. Слушай, я буквально на секунду набрал, сказать, что долетел... то есть доехал, всё в порядке. Нас уже в конференц-зал зовут, генеральный «Монолита» рвёт и мечет. Летучка до самой ночи. Скорее всего, телефон отключу или в гардеробе оставлю, чтобы не отвлекал. Не теряй меня, ладно?

— Конечно, Тим. Работай. Закрой этот контракт, нам ведь очень нужно на Бали. — Я выделила слово «Бали» особым, тягучим акцентом. Внутри всё кричало от омерзения.

«Долетел или доехал, любимый? Серая коробка на Петроградке?» — эхом пронеслось в голове. Ты, великий перегово-

ворщик, от адреналина запутался в собственной лжи. Путаете виды транспорта, на которых якобы добирался до элитного притона.

— Умница моя. Люблю тебя. Целую! — бросил он и быстро, словно боясь расспросов, отключился.

Экран погас. Я медленно опустила руку с телефоном на колени. Меня мелко затрясло. Хотелось кричать так, чтобы лопнули панорамные стёкла. Мой муж, человек, которому были отданы пять лет молодости и чистой любви, сейчас находился в Истре, в часе езды от нашей высотки. Наслаждался подмосковной тишиной, пил дорогой коньяк и готовился ублажать свою зрелую покровительницу ради процентов со сделки.

В эту же секунду телефон снова пискнул. Пришло сообщение от Олега. К нему был прикреплён один-единственный файл.

На снимке был запечатлён огромный, иссиня-чёрный «Мерседес-Майбах». Сквозь тонированное боковое стекло отчётливо виднелся холёный профиль Тимура. Он вальяжно развалился на кожаном кресле — статусная дама прислала за ним личное авто, пока наша «Мазда» сиротливо стояла на парковке у дома, служа идеальным алиби для послушной жены.

Следующий кадр показывал этот же «Майбах» уже на закрытой территории VIP-зоны «Verde Resort». Под лобовым стеклом лежал яркий, глянцевый пропуск с логотипом стро-

ительного холдинга и именем Елены Шестаковой.

Всё. Последняя, наивная надежда на то, что это ошибка, паранойя или глупое совпадение, умерла. Иллюзия рая была официально ликвидирована. Осталась только холодная, расчётливая война против лжеца.

Глава 10. Горький исход

Пятничный вечер опустился на Москву унылым, серым саваном. За окном двадцать второго этажа снова заиграли огни бесконечных пробок на Ленинском проспекте, но я уже не смотрела на них как прежде. Эта квартира перестала быть домом. Она превратилась в место преступления, где методично, шаг за шагом, уничтожали мою душу.

Я не собиралась сидеть сложа руки и покорно ждать воскресенья, когда «уставший» муж вернётся из фальшивой командировки с дежурной корзиной питерских пышек. Не собиралась дарить ему эти выходные спокойного, сытого счастья на чужой постели. Решение принято. Медлить нельзя.

Я вытащила из кладовки старый вместительный чемодан — тот самый, который купила ещё в студенческие годы, задолго до встречи с Тимуром. С каким-то пугающим, механическим спокойствием принялась открывать шкафы гардеробной. Платья, юбки, блузки, любимые книги, туфли — всё это плотными, аккуратными рядами отправлялось внутрь. Я забирала только своё. Всё, что было куплено на личные деньги, заработанные лекциями и изнурительным репетиторством. И не прикоснулась ни к одной вещи, подаренной мужем за последние полгода совместного быта. Ни к дорогому кашемировому пальто, ни к шёлковым халатам, ни к

брендовым сумкам. Пусть забирает назад. Пусть отдаст Елене Шестаковой, если той подойдут размеры. Каждый его подарок теперь казался грязным, липким подаянием, оплаченным позорным ночным трудом на чужом матрасе.

Закончив со сборами, я села за рабочий стол и открыла ноутбук. Палец завис над иконкой мобильного банка. У нас был общий семейный счёт, к которому привязаны две карты — моя и его. Основные деньги — барыши с крупных сделок — лежали на его личных счетах, к которым у меня доступа, естественно, не было. Но на этом общем балансе сейчас находилось около четырёхсот тысяч рублей — наши совместные накопления на кухонную технику премиум-класса, которую так и не успели заказать к окончанию ремонта.

На секунду я замялась. Во мне заговорила та самая правильная, интеллигентная Кристина — преподаватель университета, дочка приличных родителей. «Это нехорошо, это почти воровство», — шептал трусливый внутренний голос. Но перед глазами встал тяжёлый металлический футляр Tom Ford, вспомнилось холёное, сытое лицо Тимура и его фраза: «Мы можем продать абсолютно всё в этом мире». Он продал меня. Продал наш брак. И эти четыреста тысяч — лишь мизерная компенсация за то моральное стекло, которое пришлось жрать всю эту проклятую неделю.

Я решительно ввела пароль и перевела всю сумму до рубля на личный, закрытый счёт в другом банке. Общий баланс обнулится. Экран выдал холодное: «Операция успешно вы-

полнена». На телефон Тимура мгновенно должно было уйти пуш-уведомление. Что ж, пусть это станет для него первым тревожным звоночком в элитном подмосковном раю. Пусть понервничает между раундами «тяжёлых переговоров» с Еленой.

Затем я набрала номер Павла — моего бывшего слушателя на курсах английского, который сейчас работал ведущим адвокатом в крупной столичной конторе по бракоразводным процессам.

— Паш, привет. Извини, что по личному вопросу в пятницу вечером. — Голос звучал на удивление твёрдо. — Мне нужно составить исковое заявление о расторжении брака. Срочно. И проконсультироваться по поводу раздела имущества.

— Кристин? Вы же только поженились, три недели назад я слышал. — В голосе Павла было искреннее, глубокое изумление. — Что случилось? И какое имущество вы собрались делить за двадцать дней брака? Вашу высотку на Ленинском?

— Свадьбы больше нет, Паш. И брака тоже, — я с трудом сглотнула подступивший к горлу ком. — Квартира оформлена только на Тимура. Мы пять лет проверяли чувства, строили карьеру и ждали сдачи этого чёртова дома. Въехали сюда совсем недавно, прямо перед загсом. Я была уверена, что договор долевого участия всё это время оплачивался из его личных накоплений, из карьерного взлёта, ко-

торый мы праздновали вместе... Оказалось, застройщику капали чужие деньги. Деньги богатой клиентки Шестаковой. Я могу претендовать хотя бы на долю? Мы же ждали этот дом вместе!

В трубке повисла тяжелая, сочувственная пауза. Как опытный юрист, собеседник всё понял без лишних объяснений.

— Крис... Мне адски жаль, правда. Но если ДДУ все годы был оформлен только на него, и право собственности он зарегистрировал до официального вступления в брак — юридически эта квартира считается личным имуществом, приобретенным до брака. Тот факт, что вы пять лет ждали этот дом как пара и планировали в нём гнездо, для семейного законодательства не имеет никакой силы. Суд не делит добрачное имущество. Закон суров: ты осталась там на правах простого члена семьи, и выписать тебя оттуда он сможет в любой момент.

Слова Павла ударили наотмашь, лишая последних иллюзий. Значит, я осталась на улице. Без прав, без жилья, обманутая и выброшенная из красивого пятилетнего мифа, который с самого первого кирпича был тайно оплачен телом мужа. Но это не ломало меня, а лишь разжигало внутри ещё более яростное, холодное пламя.

— Хорошо, Паш. Составляй пока просто иск на развод. Мне нужно, чтобы в понедельник утром документы уже лежали на почте. А с остальным... с остальным я разберусь са-

ма. Поверь, этот лживый продажник отдаст мне всё, что положено. До копейки.

Я закрыла ноутбук. Большой старый чемодан уже стоял в прихожей у входной двери, безмолвно дожидаясь своего часа. Я не стала уходить сейчас, в ночь. Мне нужно было провести эти последние часы в опустевшей квартире, пережить эту проклятую пятницу там, где всё начиналось, чтобы окончательно зацементировать внутри ледяную ярость. Утром я выйду отсюда налегке, оставив багаж у порога. Вернусь за ним позже, когда всё закончится. Я не собиралась просто сбежать, поджав хвост, оставив ему эту роскошь. Хотелось увидеть всё собственными глазами. Мой путь лежит в загородный клуб «Verde Resort». Я отправляюсь на охоту. И найду способ заставить его заплатить по счетам.

Глава 11. Клуб для избранных

Субботнее утро встретило меня слепым, липким туманом. Белая рваная вата тяжело висела над Новой Ригой, напроочь съедая видимость. Я вела арендованный «Киа Рио», намертво вцепившись в тонкий руль. Пальцы занемели, суставы ломило от напряжения. Дешевый пластик каршеринга казался чужим и холодным, как и вся моя новая жизнь.

Бессонная ночь в опустевшей квартире на Ленинском выпила меня до дна. Я так и не смогла сомкнуть глаз. Сидела в темноте на краю постели, глядя на большой старый чемодан у порога, и заново перебирала по кирпичикам последние пять лет. Пять лет красивой фальши. Пять лет ДДУ, которые Тимур втихую оплачивал траншами Шестаковой, пока я наивно верила в наш общий карьерный взлёт. Какая изощрённая, циничная жестокость. Меня буквально выворачивало наизнанку от осознания собственной глупости.

Чтобы спрятаться от мира и от самой себя, я натянула огромные солнцезащитные очки и спрятала лицо в глубокий капюшон спортивного худи. Простые джинсы, кроссовки. Настоящая шпионка на руинах собственной жизни.

Дорога до Истры заняла чуть больше часа. Чем ближе я подъезжала к загородному клубу «Verde Resort», тем сильнее в горле разрастался удушливый ком. Сердце сбоило, внутри

всё дрожало от подступающей паники. Этот элитный комплекс был культовым местом для столичного бомонда: гектары закрытой территории, вековые сосны, виллы из дорожного бруса и вертолетная площадка. Пару ночей здесь стояли как моя зарплата преподавателя.

Красивая, сытая, порочная жизнь. Роскошь, в которую муж так отчаянно рвался. И цена, которую он за неё заплатил — моя растоптанная гордость.

На въезде у ворот из кованого железа меня предсказуемо притормозила бдительная охрана в строгой чёрной форме.

— Доброе утро. Вы к кому-то? Территория клуба только для резидентов и гостей с бронью, — вежливо, но непреклонно произнёс крупный мужчина, окинув мой скромный бюджетный автомобиль оценивающим взглядом.

— Здравствуйте. У меня гостевой визит в спа-комплекс к Елене Шестаковой, — я произнесла это имя ровно, без единой запинки, хотя сердце сделало дикий кульбит, а во рту мгновенно пересохло. — Она просила передать, что я подъеду к девяти. Проверьте списки, пожалуйста.

Каждая секунда, пока охранник хмурился и скользил взглядом по экрану планшета, казалась вечностью. Если её там нет или вход строго по фамильным спискам, я пропала. Но в следующий миг его лицо разгладилось в угодливой, дежурной улыбке. Имя владелицы строительного холдинга «Монолит-Регион» открывало любые двери в этом подмосковном раю для богатых.

— Да, всё верно, строительный холдинг «Монолит». Проезжайте на гостевую парковку, вас сейчас проводят.

Тяжёлая створка ворот медленно поползла в сторону. Паркуя скромный «Рио» между огромными, лоснящимися чёрными внедорожниками и представительскими седанами, я увидела его... Удар под дых, от которого потемнело в глазах. Тот самый огромный, иссиня-чёрный «Мерседес-Майбах» Шестаковой, в котором вчера детектив зафиксировал Тимура, аккуратно расположился в VIP-зоне под навесом. Личное авто хозяйки жизни, присланное за верным слугой. Внутри меня что-то горько и тихо хрустнуло, окончательно отсекая любые сомнения и надежды. Наша «Мазда» так и осталась стоять внизу на Ленинском — безмолвным памятником моей слепоте.

Выйдя из машины, глубже натянула капюшон и достала из кармана смартфон. Олег, частный детектив, прислал короткое сообщение: «Объект в главном корпусе, завтракают на закрытой веранде ресторана. Я на позиции у бассейна. Будьте осторожны».

Глубокий вдох заставил ледяной, пропитанный хвоей воздух обжечь лёгкие. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги казались ватными, чужими, но пришлось упрямо идти вперед — по идеально вычищенной дорожке из брусчатки, мимо вековых сосен, навстречу персональной катастрофе.

Нужно было увидеть всё самой. Лично. Чтобы никогда, ни одной секундой в будущем не позволить себе проявить

слабость и простить его.

Охота началась.

Глава 12. Хозяйка и её пёс

Ресторан загородного клуба встретил приглушённым звоном фарфора и запахом свежей выпечки. Но стоило сделать шаг вглубь зала, как горло перехватило. Этот шлейф я узнала бы из тысячи... Развратная ваниль и удушливая белая лилия. Истинная владелица моего мужа прошла здесь всего пару минут назад, оставив в воздухе ядовитый след, который теперь смешивался с душком больших, шальных денег. Мгновенно замутило.

Скользнула в полумрак, заняв самый дальний столик у массивной колонны. Раскидистые листья декоративной пальмы надёжно скрывали от чужих глаз. Официант принёс мокко, к которому я так и не прикоснулась. Взгляд был намертво прикован к панорамному остеклению VIP-веранды, выходящей на сосновый бор.

Они расположились у самого окна. Стол ломился от изысков: шампанское в ведёрке со льдом, устрицы, экзотические фрукты.

Тимур сидел вполоборота. На нём был наш общий выбор на годовщину знакомства — тонкий кашемировый джемпер — и безупречные светлые брюки. Но в его позе, в суетливых жестах не осталось и следа былой уверенности, прежней властной мужской силы, которую он так настойчиво демонстрировал дома всего двое суток назад. Сейчас за стеклом

сидел чужой, незнакомый мужчина. Помятый, с угодливой, заискивающей улыбкой, он заглядывал в глаза своей хозяйке, словно покорный комнатный пёсик в ожидании команды или подачки. Человек, который дома мнил себя главой семьи и хозяином жизни, сейчас выглядел как дешёвая вещь, купленная чужой женщиной с потрохами. И стало до тошноты противно, что столько лет пришлось делить с ним одну постель.

Елена Шестакова выглядела в точности как на снимках из бизнес-журнала, только живую её образ казался ещё более тяжёлым и давящим. Грузная, зрелая, со складками на шее, которые не мог скрыть даже шёлковый платок от Hermès. Короткая, почти мужская стрижка обнажала крупные, мясистые уши, в которых лениво поблёскивали огромные бриллиантовые пуссеты. Она сидела, развалившись на плетёном кресле, небрежно держа пухлыми пальцами с массивным перстнем тонкий бокал с игристым. Её лицо с тяжёлым, квадратным подбородком выражало скучающую сытость. Губы были покрыты липким слоем знакомой тёмно-вишнёвой помады Tom Ford.

— Тимми, ну что ты возишься? Очисти мне папайю, — её глубокий, прокуренный, властный голос отчётливо донёсся сквозь приоткрытую створку стеклянной двери веранды.

— Да, Леночка, сейчас, секунду, — подобострастно отозвался муж.

Этот безупречный, гордый Тимур, который дома никогда

не прикасался к кухонному ножу, считая готовку исключительно женской обязанностью, суетливо подхватил серебряный прибор. Его руки слегка подрагивали, когда он аккуратно, тонкими ломтиками нарезал фрукт и бережно, чуть ли не с поклоном, пододвигал тарелку к немолодой покровительнице. Он буквально заглядывал женщине в рот, ловя каждый взгляд маленьких, жёстких глаз.

В этот момент Шестакова небрежно, по-хозяйски протянула руку и потрепала Тимура по щеке, словно послушного пса, а затем сильно сжала его подбородок, что-то тихо и жёстко выговаривая. Тимур лишь покорно кивал. На его лице застыла жалкая гримаса испуганного мальчика, который до смерти боится разгневать свою госпожу.

К горлу подкатила жгучая, едкая горечь. Затрясло от оглушительного омерзения. Человек, с которым строились планы и общее будущее, оказался обычным альфонсом на побегушках у обрюзгшей миллионерши. Все рассказы про «тяжёлые переговоры», «планы продаж» и «регионалов» были просто дешёвой ширмой. Планируемая поездка на Бали, медовый месяц — всё это оплачивалось тем, что Тимур прислуживал этой женщине за столом и в постели. Пока строился дом, ставший золотой клеткой, он отрабатывал каждый рубль.

Слабость внезапно отступила, уступая место звенящей, стальной ярости. Дрожащими пальцами достала из сумки телефон, включила камеру и сделала несколько чётких, деталь-

ных снимков. А затем, не отрывая взгляда от VIP-веранды, набрала номер мужа.

За стеклом Тимур вздрогнул. Суетливо вытащил айфон из кармана брюк, мгновенно побледнел при виде знакомого имени на экране и испуганно скосился на Шестакову. Она недовольно нахмурилась.

Трубка легла к уху. Сквозь приоткрытую створку двери было видно, как он принял звонок, и в динамике отчётливо раздался его торопливый шёпот:

— Да, зайка, я на очень тяжёлом совещании с инвесторами... Освобожусь поздно, не теряй.

Я смотрела прямо на его напряжённую, сжавшуюся спину.

— Я и не теряю, Тимми, — тихо отозвалась, умышленно используя чужое уменьшительное имя. — Инвестору привет. И не забудь доесть папайю. Послушным мальчикам положена кость.

Нажатие на отбой оборвало вызов раньше, чем он успел издать первый звук. За стеклом Тимур замер, словно пойманный за руку вор, а затем начал дико, с нарастающим ужасом оглядываться по сторонам.

Но я уже шла к выходу, не оборачиваясь.

Глава 13. Грязный контракт

Мой звонок вспорол сытую идиллию. Побелевший Тимур суетливо забормотал что-то Шестаковой, но та лишь раздражённо отмахнулась, властным жестом приказав следовать за собой. Пара поспешно покинула веранду.

Я, не слыша собственного шага, двинулась следом сквозь зелёные лабиринты резиденции. Детектив Олег маякнул, что они арендовали VIP-бунгало в дальней части спа-зоны, скрытое за густым можжевельником и бамбуковыми ширмами. Здесь не было случайных прохожих. Сюда пускали только по специальным браслетам, но стоило мне уверенно называть на ресепшене имя Елены Шестаковой, как передо мной угодливо распахнули деревянную калитку.

Глухой, страшный стук сердца отдавался в ушах, когда я подобралась к деревянной террасе. Панорамные французские окна были зашторены лишь частично, а приоткрытая стеклянная дверь пропускала наружу обрывки её хриплого, недовольного голоса.

Я заглянула в щель между плотными гардинами — реальность наотмашь хлестнула по лицу, едва не лишив чувств.

Внутри, на огромном массажном подиуме с белоснежными простынями, разворачивалось тошнотворное зрелище. Холёный, спортивный муж — гордость моего сердца —

стоял на коленях. На нём не было ничего, кроме короткого атласного халатика — очевидно, из личной «коллекции» Шестаковой, нацепившей его на Тимура ради своего каприза. Елена Сергеевна развалилась на подушках, массивная, обрюзгшая, в шёлковом кимоно. На её лице застыла циничная гримаса сытого рабовладельца.

Тимур — бледный, с застывшим в глазах диким страхом от моего недавнего звонка — покорно массировал её лодыжки. Его руки крупно дрожали, но он продолжал ловить её взгляд, боясь разгневать покровительницу ещё сильнее.

— Ну же, Тимми, старайся лучше. Что ты как неживой? — медленно процедила она, выпуская приторный пар электронной сигареты прямо на его склонённую голову. — За что я тебе такие суммы переводила? Чтобы ты ковырялся как ленивая девка? Разминай мне стопы. Живее.

И этот человек... Педантичный Тимур, тот, кто дома безгласно кривился от малейшего беспорядка, суетливо, с каким-то лакейским усердием принялся целовать её пухлые, отёкшие пальцы ног. Он хватал тяжелые ступни ухоженными руками, утыкался лицом в бугристую, туго натянутую кожу, что-то унизительно шепча и преданно заглядывая снизу вверх в её заплывшие, жёсткие глаза.

— Да, Леночка... Прости. Всё сделаю. Всё для тебя, — его сиплый, лебезящий голос резал мне слух.

Шестакова грубо схватила его за уложенные гелем волосы и притянула лицо к двойному подбородку, размазав по его

губам липкий, тёмный след помады. Она обращалась с ним как с купленной вещью, которую можно ломать и унижать за счет со многими нулями. А Тимур терпел. Он покорно принимал эту грязную ласку, пресмыкаясь перед вульгарной женщиной ради квартиры на Ленинском и красивой жизни в Москве.

Я сжимала пальцы до онемения, но разум оставался убийственно прозрачным. Медленно подняла смартфон, наводя объектив прямо сквозь щель в шторах, и включила видеозапись. Экран послушно зафиксировал всё: его коленопреклоненную позу, рабский поцелуй отёкших ног и то, как Шестакова лениво шлёпала его по щеке, заставляя ублажать её дальше.

Тридцать секунд. Сорок пять секунд. На этом видео была записана подлинная цена нашего медового месяца, красивой сказки и совместных планов. Капкан захлопнулся с оглушительным внутренним грохотом.

Глава 14. Ложная петля

Дорога обратно из Истры в Москву прошла как в тяжёлом сне. Я вела каршеринговый «Киа», механически пере-страиваясь из ряда в ряд на залитом весенним дождём Новорижском шоссе. Перед глазами раз за разом, словно за-цикленная плёнка старого хоррора, прокручивались кадры из подмосковного бунгало. Стоящий на коленях Тимур. Его холёное, спортивное тело, зажатое в короткий позорный халатик. Губы, рабски целующие отёкшие стопы Елены Ше-стаковой. Хлопки ладони по его щеке. Смартфон в кармане худи казался раскалённой титановой плитой, прожигающей ткань. Там, в скрытой запароленной папке, теперь хранился грязный компромат, навсегда уничтоживший представление о браке.

Когда я наконец переступила порог нашей высотки на Ле-нинском, субботний вечер уже накрыл город. Силы покину-ли меня. Квартира встретила мёртвой, давящей тишиной. Мой большой старый чемодан так и стоял в прихожей — без-молвный памятник крушению семейной жизни.

Я на автомате прошла на кухню, прямо в обуви, и толь-ко там скинула кроссовки. Опустилась на холодный керамо-гранит пола, прислонившись спиной к острову. В полумра-ке взгляд зацепился за забытую кофейную чашку Тимура,

оставленную им в пятницу утром. На дне остался тёмный высохший след. В застывшем воздухе всё ещё витал едва уловимый, знакомый шлейф его горьковатого парфюма с нотами табака и кедра. И вот здесь, в окружении привычных вещей, меня внезапно накрыло. Жестоко. До судорожного удушья.

Вместо злой решимости, которая вела меня всю обратную дорогу, в душе заворочалась огромная, липкая и глупая женская жалость. По щекам покатились первые горячие слёзы, сдерживаемые так долго. В памяти всплыл мой Тим — не тот раб у ног миллионерши, а прежний муж. Вспомнилось, как пять лет назад он, успешный, уверенный в себе красавец, бросился на помощь мне, только-только пришедшей в зал и с грохотом уронившей железные плиты. Его улыбка, бережные прикосновения, наши общие мечты — всё это теперь казалось осколками чужой жизни.

Внутренний голос, отчаянно цепляющийся за остатки разрушенного мифа, зашептал: «Крис, а вдруг он хороший? Вдруг он пошёл на этот кошмар только ради тебя? Подумай, ведь Тимур — молодой, гордый мужчина со спортивным телом... Представь, через какой ад, психологическую ломку и унижение приходилось проползать каждый раз, прикасаясь к этой зрелой, грузной женщине? Его ведь тошнило от неё, от этого веса и удушливого запаха лилий! Но он ломал себя, переступал через брезгливость, жрал грязь тоннами только ради того, чтобы вытащить тебя из нищеты вечного репетиторства и копеечной преподавательской зарплаты. Что-

бы купить эти панорамные окна на Ленинском, сделать премиальный ремонт, оплатить поездку на Бали... Он пожертвовал мужской гордостью ради твоего счастья. Просто попал в кабалу к Шестаковой из-за долгов, запутался, испугался всё потерять».

От этих мыслей сердце сжалось. На секунду стало так безумно, до крика жаль его — сломленного, пресмыкающегося там, в Истре, ради нашего благополучия. Захотелось удалить проклятое видео, стереть всё из памяти, дожидаться его завтра, обнять и сказать, что я всё знаю, всё прощаю, и мы справимся с этим вместе. Начнём сначала. В дешёвой съёмной хрущёвке, без панорамных окон, но чистыми и честными друг перед другом.

Я закрыла лицо ладонями, и надрывные, захлёбывающиеся рыдания заставили плечи содрогаться в полумраке пустой кухни.

В эти минуты я отчаянно, до исступления верила, что его принудили. Что мой Тим — просто жертва обстоятельств.

Глава 15. Изнанка

Не знаю, сколько часов провела так — сидя в темноте и оплакивая «сломанную судьбу» несчастного, замученного мужа. Чтобы убедить себя в его невиновности, отыскать хоть какие-то следы шантажа со стороны Шестаковой — кабальный договор, скрытую неустойку или долговую расписку, вынудившую его продать себя, — наконец поднялась и пошла в гостиную. Мне было жизненно необходимо оправдать его перед самой собой.

Я подошла к рабочему столу Тимура, выдвинула нижний глубокий ящик и достала небольшую кожаную шкатулку, где он хранил старые флешки, запасные ключи и личные бумаги. Кодовый замок сдался не сразу. Дата нашего знакомства не подошла, и внутри всё болезненно сжалось. Но когда дрожащими пальцами я ввела цифры дня рождения Елены Шестаковой, подсмотренные в бизнес-журнале, механизм тихо и угодливо щёлкнул. Внутри всё похолодело.

Руки лихорадочно перебирали документы, пока не наткнулись на плотную пластиковую папку, спрятанную под двойным дном. Я вытащила листы, нашла среди них старую чёрную флешку с гравировкой и вставила её в свой ноутбук. Экран отобразил скрытые архивы. И в ту же секунду петля жалости на моей шее затянулась, превращаясь в удавку. А

затем лопнула, разлетаясь в пыль и обнажая жуткую, уродливую и пугающую правду.

Там не было долговых расписок. Внутри лежали скриншоты и распечатки с закрытых форумов весьма специфической тематики, а также тайный дневник, который он вёл в текстовых файлах на протяжении нескольких лет. Я всматривалась в строчки, и внутри меня будто открылся шлюз — из меня стремительно вытекала сама жизнь, оставляя вместо тела пустую, сухую оболочку.

Тимур не ломал себя ради меня. Его не тошнило. Он не жертвовал мужской гордостью. С оцепенением и растущим отвращением я читала его собственные признания, написанные с сочным, детальным упоением. Мой безупречный, спортивный муж, маниакально следивший за кубиками пресса и считавший каждую калорию, оказался скрытым девиантом. Ему нравилось быть униженным. Его истинной, тщательно скрываемой потребностью было пресмыкаться, ползать на коленях и подчиняться именно таким — немолодым, грузным, властным женщинам.

Елена Шестакова была не тяжёлым крестом. Она была его высшим, грязным удовольствием. Он получал животный, извращённый кайф от того, что эта дама ломала его через колено, шлёпала по щекам и заставляла целовать свои отёкшие стопы. А огромные деньги, контракты с холдингом и панорамная квартира на Ленинском были лишь приятным, сытым бонусом к порочной страсти. Транши от Шестаковой

на эту недвижимость капали уже четыре года — всё то время, пока дом только строился, пока мы встречались, а Тимур оформлял квадратные метры исключительно на себя.

Вспышка прозрения выжгла последние сомнения.

Ему вообще не нужна была я. Ему плевать было на мою любовь, чистоту и наше общее будущее. Пятилетний роман, выстраданная свадьба, кольцо из белого золота — всё это служило лишь дешёвой, стерильной ширмой. За ней скрытый извращенец прятал свою двойную жизнь от коллег, родителей и общества. Ему требовался статус респектабельного, женатого человека, и я стала идеальным щитом: приличная, наивная жена-преподаватель, создающая фасад абсолютной нормальности, пока сам он периодически с упоением отрабатывал рабские фантазии за городом.

Жалость умерла мгновенно, оставив после себя лишь пепелище и звенящую, смертоносную ярость. Какая же я была дура, когда совсем недавно оплакивала его «унижение». Он не запутался. Он был глубоко, неизлечимо болен своей грязью и цинично использовал меня как бесплатное прикрытие.

Почти сутки я провела в запертой квартире, один на один с его извращённым дневником. Субботняя ночь, перетекшая в бесконечное, удушливое воскресное утро, навсегда похоронила во мне прежнюю Крис. За эти часы страх и боль кристаллизовались в трезвый, безжалостный расчёт. Не спала и не ела — методично готовила казнь.

Я вернулась на кухню, открыла рабочую почту, запустила

компактный принтер и распечатала готовые файлы, которые прислал адвокат Павел. Листы искового заявления со штампами адвокатского бюро заняли центр гладкой поверхности кухонного острова. Сверху со звучным, тяжёлым щелчком опустился прямоугольный футляр помады Tom Ford. Рядом лёг телефон с открытой галереей видеозаписей из бунгало и та самая флешка из его тайника.

Взгляд замер на гладком корпусе смартфона, и сквозь пелену ярости вдруг пробилось странное, глухое воспоминание. Конец декабря. Наша старая съёмная однушка, предновогодняя суета, коробки с подарками. Тимур сидел на диване с моим телефоном в руках и обыденно просил: «Крис, напости пароль от Госуслуг. Пытаюсь урвать нам билеты на новогоднее шоу со скидкой через ведомственную программу, а там вход только через подтверждённый профиль». И я, замотанная зачётами, уставшая и счастливая дура, послушно назвала цифры, даже не повернув головы от кухонной плиты. Он тогда долго возился с экраном, дожидаясь каких-то кодов... Мысль вспыхнула и тут же погасла. Какая разница, зачем он тогда лазил в мои данные? Сейчас, на пепелище пяти лет лжи, это не имело значения.

На часах было уже пять вечера воскресенья. Конец выходных. Время, когда Тимур должен был заявиться со своего «тяжёлого совещания с инвесторами».

Я села на высокий барный стул, выпрямила спину и замерла в полумраке, устремив неподвижный, прицельный взгляд

на входную дверь. Время слёз и сомнений кончилось. Капкан был полностью взведён. Мне осталось лишь дожидаться, пока скрытый извращенец переступит этот порог.

Глава 16. Выжженная зона

Стрелки часов перевалили за половину восьмого вечера, когда в безмолвном коридоре раздался долгожданный звук. Коротко пискнул электронный замок, и тяжёлая бронированная дверь мягко, бесшумно открылась.

Я не двинулась с места. Не вскочила, не побежала навстречу, как делала на протяжении пяти лет нашего совместного мифа. Продолжала неподвижно сидеть в полумраке на высоком барном стуле, до белых костяшек вцепившись в колени. Вся превратилась в натянутую струну, удерживая себя на грани глухого, окаменевшего спокойствия.

В прихожую весело, с шумом ворвался Тимур. Он буквально светился от счастья, самодовольства и того особого драйва, который всегда наполнял его после закрытия крупных сделок. Дорогая кожаная сумка глухо упала на пуфик. В руках — огромная, нарядная кондитерская коробка, перевязанная атласными лентами. Идеальная картинка: заботливый муж вернулся из тяжёлой «командировки» к любимой жене.

— Крис! Малыш, я дома! — звонкий, бодрый голос вспорол тишину, ломая её, как тонкий апрельский лёд. — Фух, «Сапсан» на полчаса задержали, думал, вообще до ночи не доеду. Ну и коллапс на Ленинградском вокзале... Крис, ты

где? Почему темно?

Он сделал несколько быстрых шагов по коридору, заглянул в гостиную, а затем повернул к обеденной зоне. Щёлкнул настенный выключатель, но люстра под потолком осталась мертва — я заранее заблокировала верхние сценарии света через панель «Умного дома», оставив только тусклую диодную подсветку острова. Тимур остановился на границе кухни. Расслабленный, блуждающий взгляд наткнулся на меня.

— Обувь сними, Тим, — тихо, почти шёпотом произнесла я. Голос прозвучал так странно и глухо, что муж вздрогнул. — Не разноси грязь. Её здесь и так слишком много скопилось.

— Крис... Ты чего в темноте сидишь? — он попытался натянуто улыбнуться, но фирменный мальчишеский прищур на секунду дрогнул.

Тимур подошёл ближе, намереваясь поставить коробку на кварцевый топ и обнять меня за плечи, но резко замер.

В тусклом диодном свете ровными, аккуратными рядами лежали распечатанные листы искового заявления со штампами адвокатского бюро. На них, как ядовитая чёрная метка, поблёскивал прямоугольный футляр помады Tom Ford. Рядом покоилась его флешка, извлечённая из тайника.

Лицо мужа стремительно, на глазах начало меняться. Вопреки моим ожиданиям, оцепенение пойманного с поличным лжеца мгновенно сменилось злым, волчьим оскалом. В карих глазах не зажглось ни искры раскаяния — там вспых-

нула бешеная нарциссическая ярость уязвлённого эго.

— Что это за хлам, Крис? — его голос мгновенно сел, превратившись в сиплый, опасный рык. Он с грохотом швырнул кондитерскую коробку прямо на пол, и она с треском лопнула, рассыпая по керамограниту пирожные в жирном креме. — Ты решила поиграть в частного детектива? Полазила по моим личным вещам? Вскрыла замок шкатулки? Да как ты посмела совать нос туда, куда тебя не просят!

Я медленно поднялась с барного стула. Выпрямилась, чувствуя, как внутри на смену страху приходит звенящая, монолитная уверенность. Вдруг показалось, что стала на голову выше его. Взяв с поверхности острова футляр помады, с сухим, хлёстким щелчком бросила тяжёлый лакированный металл прямо ему под ноги, в кучу раздавленного крема.

— Это помада Елены Шестаковой, Тим, — произнесла я ровным, убийственно спокойным тоном, глядя ему точно в переносицу. — Той самой сорокапятилетней женщины, которой ты вчера в Истре, в загородном клубе «Verde Resort», угодливо целовал стопы и пресмыкался на коленях в VIP-бунгало. Я видела всё. Каждое твоё рабское движение. И я изучила архив на этой флешке. Знаю, что ты — грязный, извращённый альфонс, который четыре года с упоением спал с этой грузной, уродливой барыней ради квартиры и миллионов с контрактов. Ты жрал эту грязь, потому что тебе так нравится. А меня ты использовал как бесплатную ширму для своего красивого фасада.

И вот тут Тимура окончательно прорвало. Сделав резкий шаг вперёд, он почти вплотную приблизился ко мне. Холёное лицо перекосилось от лютой злобы, на шее уродливо вздулись вены. Муж заорал так, что задрожали стёкла панорамных окон:

— Да! Да, чёрт возьми! — иступлённо выплюнул он, обдавая меня волной перегара. Глухой, тяжёлый удар кулака пришёлся по кухонному острову — подпрыгнул закрытый ноутбук. — Я спал с ней! И мне это нравится, слышишь ты, заносчивая филологическая дура? Елена — великая женщина! Она успешна, она держит строительные холдинги, ломает людей как соломинки и ворочает миллиардами! С таких, как Шестакова, тебе, нищей университетской мыши, пример нужно брать! Учиться у неё, как забирать от этой жизни всё! А ты кто такая? Что вообще из себя представляешь со своими грошовыми лекциями? Ничтожество в дешёвых джинсах!

Тимур метался по кухне, тяжело, прерывисто дыша. Он хватал со стола листы искового заявления, с треском рвал их и швырял обрывки мне в лицо. Острый край бумаги больно полоснул по бледной щеке, оставив тонкую багровую царапину, но я даже не зажмурилась.

— Ты ничего не стоишь в этой жизни, Кристина! Вообще ничего! Пустое место! Ноль! — продолжал орать он. Глаза дико блестели, взгляд стал безумным. — Ты всем, каждым своим вдохом, каждым куском еды в этом холодильнике и

вещами на себе обязана мне! Это я вытащил тебя из нищеты аспирантских общаг! Я вкалывал, продавал тело, исполнял любые, самые грязные прихоти Елены, чтобы оплатить панорамные окна, ремонт и тряпки, которые ты носишь! Я переступал через всё, чтобы у нас был этот статус! А ты решила качать права? Без моих финансов ты сдохнешь под забором в первую же неделю! Пойдёшь собирать пустые бутылки по московским подворотням, будешь голодать и умолять меня взять тебя обратно хотя бы горничной!

Он тяжело, хрипло дышал. Идеальная укладка растрепалась, холёное лицо исказилось до неузнаваемости. Вся пятилетняя нежность, любовь и забота испарились, обнажив гнилое, нарциссическое нутро.

Тимур сделал резкий шаг к прихожей, рывком распахнул тяжёлую входную дверь и указал дрожащим пальцем на холодный зев подъезда.

— Пошла вон! — взревел он так, что заложило уши. — Пошла вон из моей квартиры! Юридически здесь всё принадлежит мне! Дом строился на мои деньги и капитал Шестаковой до брака, ты никто и звать тебя никак! Хватай свой старый чемодан и вымётывайся в ту ночь, откуда я тебя подобрал! Чтобы духу твоего здесь не было! Выкатывайся, пока я сам тебя не выкинул!

Шок и глухое омерзение на секунду ослепили. Мужчина, которого я искренне любила пять лет, вышвыривал меня на улицу под ледяной дождь, поливая ядовитой бранью. Про-

шное перестало существовать. Но я не согнулась и не проронила ни единой слезы. Внутри, на месте выжженной зоны, крепла глухая, пугающая решимость.

Подняв подбородок, я прошла в прихожую. Лицо оставалось мертвенно-бледным, но взгляд стал бритвенно-острым. Молча обула кроссовки, подошла к открытой двери, уверенно перешагнула порог и выкатила за собой чемодан.

Повернувшись, я посмотрела на тяжело дышащего, искажённого яростью Тимура. В коридоре воцарилась невыносимая, давящая тишина.

— Ты абсолютно прав, Тим, — тихо, но так отчётливо, что каждое слово резало воздух, произнесла я. — Юридически эта квартира твоя. Ты её честно заработал на коленях. Но когда-нибудь ты сильно пожалеешь об этом. Ты убил самое важное, что есть на свете — любовь, оставив себе грязные деньги. Пройдёт время, и мы ещё посмотрим, кто из нас двоих пойдёт собирать бутылки.

Лифт медленно, со стеклянным шорохом опускал меня на первый этаж. С каждым мгновением из тела стремительно уходил накопленный адреналин, уступая место полному, давящему бессилию. Когда створки кабины разъехались, я сделала несколько шагов по просторному, стерильному холлу нашей высотки и... остановилась.

За панорамным остеклением вестибюля бушевал хлесткий, колючий апрельский ливень. По асфальту плыли грязные реки, в которых дрожали отражения равнодушных нео-

новых огней Ленинского проспекта.

И именно здесь, на начищенном до блеска полу, догнал откат. Навалилась глухая, удушливая усталость. Опора ушла из-под ног. Силы, которые давала ярость, испарились. Я медленно опустилась прямо на чемодан посреди пустого вестибюля, обняла руками колени и уставилась в одну точку.

И вот тут я не выдержала. Из груди вырвался первый надрывный всхлип, а за ним хлынули слёзы. Я сидела на чемодане под бездушным светом потолочных ламп, закрыв лицо ладонями, и плакала так, как никогда в жизни. Плечи судорожно содрогались, а изнутри заиндевелой пустыней расползалась парализующая растерянность.

Слова Тимура про пустые бутылки, нищету и ноль оглушительным набатом стучали в ушах. С пугающей, трезвой отчётливостью приходило понимание: он ведь прав. Юридически я полный бомж. У меня нет угла в этой огромной, хищной Москве. С скромной зарплаты преподавателя едва хватит на аренду обшарпанной однушки где-нибудь на окраине, у МКАДа. Да, на личном тайном счету лежали те четыреста тысяч, которые я успела увести с общего баланса, но для столицы это были сущие копейки. Они растают за пару месяцев.

Но страшнее денег было гнетущее чувство выпотрошенности. Весь пятилетний фундамент, каждый день, план, мечта и утренний поцелуй оказались грязной, извращённой бутафорией. Человека, которого любила больше жизни, никогда не существовало на свете. Рядом все эти годы жил чужой,

глубоко больной девиант, использовавший меня как удобное прикрытие.

В сознании бился один-единственный страшный вопрос: как жить дальше? В чём искать смысл? Кому вообще верить в этом мире, если самый близкий человек растоптал и выставил на улицу?

Я сидела на чемодане у стеклянных дверей, за которыми шумела холодная ночная Москва, и абсолютно не знала, куда идти, как пережить эту ночь и ради чего завтра утром открывать глаза.

Внезапно сквозь пелену слёз ощутилось слабое, живое тепло. Опустив взгляд, я увидела крупную трехцветную кошку — любимицу местного консьержа, которая обычно дремала на диванчике у ресепшена. Сейчас она мягко, настойчиво тёрлась пушистым боком о мою ногу, преданно заглядывая в лицо круглыми янтарными глазами и негромко, успокаивающе урча. Как будто понимала всё.

Я судорожно вздохнула, вытерла ладонями мокрые щёки и медленно опустила дрожащую руку на её тёплую, бархатистую спину. Пальцы зарылись в мягкую шерсть. Оцепенение не исчезло, но этот мертвенный холод впервые за сутки отступил, и внутри затеплился крошечный импульс жизни.

Я была не одна.

Глава 17. Ночной звонок

Время словно превратилось в густой, липкий дёготь. Я сидела на старом чемодане в самом углу просторного, стерильного вестибюля нашей высотки на Ленинском. Начищенный до зеркального блеска пол отражал тусклый свет потолочных ламп и меня — согнувшуюся, растрепанную, с размазанной по щекам тушью. Женщину, которую муж только что выставил за дверь, даже не дав нормально одеться.

За панорамными окнами Москва захлебывалась апрельским ливнем. Тяжёлые капли с силой лупили по стеклу, размывая огни столицы в грязные неоновые полосы. Город жил сытой, дорогой жизнью. А мой мир прямо сейчас догорал на двадцать втором этаже — в квартире, где остались любимые чашки, недочитанная книга на тумбочке и мужчина, которого я когда-то считала своей вселенной.

Внутри, там, где ещё несколько дней назад жила любящая, преданная жена, теперь простиралась мёртвая пустота. Меня не просто предали — растоптали с особой, деловой жестокостью. Как жить дальше? Куда идти посреди глухой ночи? В голове не было ни одной связной мысли, только оглушительный, настойчивый набат из слов Тимура: «Ты ноль! Ничтожество в дешёвых джинсах! Из нищеты тебя подобрал...». Каждое слово — как пощечина, от которой до сих пор горе-

ло лицо.

Преодолевая удушливый, въедливый стыд, сковавший горло, достала из кармана телефон. Экран неприятно резанул по заплаканным глазам. Пальцы так сильно дрожали, что я трижды промазала по сенсору, прежде чем открыть контакты.

«Алина». Моя единственная близкая подруга.

Шёл третий час ночи. Было до тошноты неловко будить её, навязываться, вываливать на Алину свой грязный кошмар. Но идти в этой огромной, хищной Москве мне было больше некуда. Нажав на вызов, я прижала трубку к уху и замерла, слушая длинные, равнодушные гудки.

Мне ответили после четвёртого раза. Голос Алины был заспанным и хриплым:

— Крис? Что случилось? Почему ты не спишь?

— Алин... — я попыталась сказать это твердо, но горло перехватило, и голос сорвался на жалкий писк. Из глаз снова хлынули горячие слезы. — Алин, он... он выгнал меня. Я на первом этаже, в вестибюле. Мне просто некуда идти.

В трубке на секунду повисла вязкая тишина, а затем слышался шорох одеяла. В голосе подруги испарились остатки сна:

— Так, Кристина, слушай меня внимательно. Сиди на месте. Из холла никуда не выходи, на улицу под ливень не суйся. Я вызываю такси и еду к тебе. Через сорок минут буду. Ты меня поняла? Соберись, Крис. Я рядом.

Она отключилась. Я опустила руку с телефоном на колени и прикрыла глаза. Кошка консьержа свернулась калачиком у моих ног, продолжая монотонно вибрировать, и под это мерное урчание для меня потянулись долгие минуты. Каждое мгновение казалась вечностью. Мимо изредка проходили редкие жильцы дома — мужчины в дорогих костюмах, возвращавшиеся из ночных клубов, ухоженные женщины. Они мазком скользили по мне удивленными взглядами, и под этими взорами я готова была сквозь землю провалиться со своим старым потертым чемоданом.

Фары такси разрезали темноту за панорамным окном ровно через полчаса. Алина выскочила из машины и подбежала к стеклянным дверям подъезда. Прямо в наспех накинутом тренче поверх домашней пижамы, с растрёпанными волосами. Нажав на кнопку, я впустила её. Подруга шагнула ко мне из ночи и крепко, до боли стиснула в объятиях, пахнущих дождем. Она отстранилась, окинув взглядом мое мертвенно-бледное лицо и царапину на щеке, оставленную разорванным листом бумаги. Её глаза яростно сузились, а губы сжались в тонкую, злую линию.

— Пошли. Такси ждёт, — коротко бросила она, перехватывая ручку моего чемодана.

Всю дорогу мы молчали. Я смотрела в боковое стекло автомобиля на размытые потоками воды огни ночной Москвы, чувствуя себя пустым, выпотрошенным манекеном. Алина не лезла с расспросами, за что была ей безумно благодарна.

Она просто крепко держала за руку. Это безмолвное тепло пальцев — единственное, что удерживало меня от падения в чёрную бездну паники.

Её небольшая двухкомнатная квартира на Шаболовке встретила нас привычным, родным запахом старых книг, лавандового освежителя и домашнего уюта. Здесь не было панорамных окон, дорогого кварца на кухонных столешницах или системы «Умный дом». Но среди простых обоев и икевской мебели я впервые за бесконечную кошмарную ночь почувствовала себя в безопасности.

Алина действовала быстро и уверенно. Она усадила меня в ванной на закрытую крышку унитаза, достала ватный диск, смочила его антисептиком и аккуратно, едва дыша, обработала царапину на щеке. Прохладная жидкость неприятно уколола кожу, возвращая к реальности. Затем подруга увлекла на кухню, защёлкнула кнопку чайника и налила в две большие кружки крепкий отвар с чабрецом и мятой.

— Пей, — непреклонно скомандовала она, пододвигая чашку. — Пей мелкими глотками. Нужно согреться, тебя колотит как в лихорадке. И никаких разговоров. Все расспросы — завтра. Точнее, уже сегодня днем. Сейчас ты просто смываешь с себя этот ад и ложишься спать.

Я послушно кивала, обжигая губы горячим травяным чаем. Сил спорить или что-то объяснять не было физически. Голова гудела так, словно внутри ворочался раскалённый ком.

Когда кружка опустела, Алина принесла мне свою чистую оверсайз-футболку. Сбросить с усталого тела джинсы и худи, в которых меня вышвырнули из собственной жизни, было почти физическим облегчением. Будто я сняла кожу, к которой намертво прилипли осколки моего разбитого брака.

В гостиной подруга уже разложила диван, застеленный свежим, хрустящим бельём. Я рухнула туда, натянула одеяло до самого подбородка и закрыла глаза, готовая провалиться в тяжелый сон без сновидений.

Но покой длился недолго. Около пяти часов утра, когда за окном только-только начали брезжить серые, грязные предрассветные сумерки, полумрак комнаты разрезал блеклый свет — на прикроватной тумбочке беззвучно, но требовательно вспыхнул экран смартфона.

Я вздрогнула, выныривая из липкого забытья, и на автомате протянула руку к телефону. Внутри все сжалось от дурного предчувствия. В мессенджере висело одно-единственное сообщение от Тимура. Текст был лаконичным, сухим и сквозил такой циничной, сытой жестокостью, что у меня перехватило дыхание:

«В десять утра в квартиру приедет клининг. Личинки замков тоже заменяют до полудня, так что твой ключ — просто кусок металла. Всё, что ты не успела запихать в свой чемодан, клинеры выбросят на помойку. Наше совместное будущее официально закрыто, Кристина. Удачи на паперти со своими студентами».

Я смотрела на строчки, и буквы расплывались перед глазами, превращаясь в грязные черные пятна. Экран погас, вернув предрассветную тьму. Смартфон выпал из онемевших пальцев на одеяло. Сон рассеялся.

Мосты были сожжены — сам брак сгорел как сухой хвост, оставив после себя пепел.

Глава 18. Юридический тупик

Раннее утро понедельника ворвалось в окна на Шаболовке вместе с резким, надсадным звонком будильника Алины. Я открыла глаза, чувствуя себя разбитой, будто меня всю ночь вдавливали в асфальт катком. Каждое движение отзывалось тупой, изнуряющей болью во всем теле, а подсохший порез на щеке стянул кожу, напоминая о ночном безумии. В заспанной полутьме гостиной я несколько секунд тупо смотрела в потолок, дезориентированная чужой обстановкой, пока в памяти со звуками бьющегося стекла не всплыл вчерашний кошмар.

Вышвырнута. Растоптана. Обнулена.

Алина заглянула в комнату уже собранная — строгая юбка-карандаш, безупречная блузка, волосы перехвачены заколкой. Её взгляд был полон такой искренней, сестринской тревоги, что мне стало не по себе.

— Так, подруга. Подъём, — скомандовала она, ставя на журнальный столик глубокую тарелку с исходящей паром овсянкой и чашку крепкого американо. — Нам обеим сегодня на работу. У тебя, помню, пары на Покровке вечером. Но пока ты не съешь всё до последней ложки и не выложишь мне, что произошло на Ленинском, я из дома не уйду. Рассказывай. Хватит держать это в себе, Крис. Изнутри сожрёт.

Я медленно села, подтянув колени к груди и кутаясь в оверсайз-футболку подруги. Запах кофе немного отрезвил гудящую голову. Скрывать правду больше не было смысла, да и сил строить гордую птицу не осталось. Дрожащими пальцами я взяла смартфон, сняла блокировку и открыла ту самую скрытую папку с файлами, которые привезла из загородного клуба в Истре.

— Посмотри сама, Алин. Мне трудно говорить об этом. Просто... посмотри.

Она взяла телефон, нахмурилась и включила запись. Я отвернулась к окну, не в силах видеть этот позор. Но по тому, как шумно и прерывисто задышала подруга, поняла: кадры дошли до адресата. Сквозь тишину комнаты отчетливо слышался лебезящий, сиплый голос моего мужа и унижительные похлопывания Шестаковой по его щекам. То, с каким рабским покорством Тимур пресмыкался перед своей богатой любовницей, вызывало тошноту.

На сороковой секунде Алина со звуком выдохнула и с размаху опустила телефон на одеяло. Её лицо пошло красными пятнами, а губы брезгливо перекосило от омерзения.

— Господи... Кристинка... — прошептала она, и её голос осел от шока. — Твой Тим... твой идеальный, холёный мальчик из спортзала... Он же... он же обычная грязная содержанка! Извращенец на поводке у этой жабы! Массирует ей стопы? Целует пальцы ног? Меня саму наизнанку выворачивает, Крис. Пять лет вместе... Девочка моя, как ты это

вынесла?

— Я засняла видео в субботу в Истре, — глухо отозвалась я, глядя в одну точку на стене. — А ночью он вернулся. Устроил настоящий нарциссический психоз. Рвал и метал. Кричал, что я нищая мышь, ноль, пустое место. Что я жрала его деньги, которые он зарабатывал, ползая на коленях. И вышвырнул меня под ливень. Сказал, что юридически квартира полностью его, оформлена до брака.

Алина резко поднялась, её глаза сузились.

— Так, Крис. Спокойно. Сейчас я бегу на работу, а ты собирайся. В два часа дня у тебя встреча с Павлом. Я сама ему только что написала и коротко обрисовала ситуацию. Он будет ждать в кофейне на Мясницкой, прямо рядом с университетом. Пашка — спец по разводам, он из этого альфонса все кишки выпустит. Съешь кашу. Обещай мне.

Я послушно кивнула. Через полчаса Алина умчалась, дважды повернув ключ в замке, а я осталась один на один со своей новой, выпотрошенной реальностью.

Кое-как запихав в себя несколько ложек остывающей овсянки, я пошла в ванную. Долго стояла под горячими струями душа, пытаясь смыть с кожи фантомный, удушливый запах белой лилии и ванили, который, казалось, преследовал повсюду.

В зеркале на меня смотрела чужая женщина — осунувшаяся, с бледными губами и тёмными кругами под глазами. Той прежней Кристины, которая меньше месяца назад све-

тилась от счастья в свадебном платье и верила мужу, больше не существовало. Её убили за одну ночь.

В час дня я уже выходила из метро «Чистые пруды». Апрельская Москва встретила меня промозглым, сырым ветром, который швырял в лицо мелкую водяную крупу. Я глубже натянула капюшон спортивного худи, пряча лицо. Покрыжка и Мясницкая бурлили привычной студенческой и деловой суетой, но теперь этот город казался мне огромным, хищным аквариумом, где выживают только зубастые акулы. А таких доверчивых людей, как я, здесь просто сжирают на ужин.

Павел ждал за дальним столиком в углу уютной кофейни. Он выглядел солидно — дорогой костюм-тройка, модная стрижка, на столе лежал раскрытый гаджет и папка с выписками. Заметив меня в нелепом спортивном виде, Паша быстро поднялся, аккуратно приобнял и понимающе посмотрел на царапину на щеке.

— Присаживайся, Крис. Я уже заказал тебе горячий шоколад, — тихо произнёс он, возвращаясь на своё место. — Алина всё написала. Я поднял архивы Росреестра по вашему объекту на Ленинском проспекте. Скажу сразу, без юридической мишуры и ложных надежд. Закон суров.

Я сделала судорожный глоток сладкого напитка, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

— Совсем плохо, Паш? Мы же вместе ждали эту квартиру пять лет. Строили планы...

Павел тяжело вздохнул и развернул ко мне экран планшета, на котором сияла сложная кадастровая схема и таблицы.

— Крис, договор долевого участия был оформлен Тимуром четыре года назад. Только на его имя. Все транши и платежи застройщику шли с его личных счетов. Право собственности на готовую квартиру он зарегистрировал до вашего похода в ЗАГС. По закону это его личное имущество, приобретенное до брака. Тот факт, что вы все эти годы были парой, вели совместный быт в арендованном жилье и планировали там гнездо, для суда не имеет абсолютно никакой юридической силы. Суд не делит добрачные стены. Для закона ты там никто.

Слова Павла падали на меня тяжелыми могильными плитами. Пять лет верить человеку, делить с ним копейки, пока строился этот проклятый дом, радоваться ключам... И остаться ни с чем, потому что он юридически просчитал всё до секунды. Отрезал меня от дома еще до того, как надел кольцо на палец.

— Но ведь эти деньги... ремонт... — мой голос сорвался, в глазах снова появились слезы. — Я могу претендовать хотя бы на долю за те три недели, что мы пробыли в браке?

Павел сочувственно покачал головой, прикрывая ладонью мои пальцы, комкающие бумажную салфетку.

— Юридически — нет, Крис, — тихо ответил он. — Доказать в суде, за что именно Шестакова переводила ему средства, практически невозможно, если в назначении платежей

стояли стандартные формулировки вроде «оплата по договору консалтинга». Для системы Тимур — успешный мужчина, купивший жилье на свои доходы до брака. Ты осталась в этой квартире на правах простого члена семьи, и выписать тебя оттуда он сможет в два счета.

Павел сделал паузу, давая мне возможность переварить услышанное, а затем продолжил:

— Если мы ввяжемся в судебную войну, Крис, она затянется на полтора-два года. Моя контора возьмет с тебя сотни тысяч за ведение процесса, экспертизы и апелляции. Но результат предрешен на девяносто девять процентов. Ты просто сожжешь нервы, остатки денег и время. Мой тебе совет как друга: забудь про эти стены. Они прокляты. Разводим тихо, без делёжки, по стандартному заявлению. Спасай себя.

Его слова ударили хлётко, лишая последних, иллюзорных надежд. Какая изощренная, математическая жестокость. Значит, я официально бездомная в этой огромной, сытой Москве. Пять лет жизни вычеркнуты, я осталась на улице налегке, с одним чемоданом у порога Алины.

— Хорошо, Паш. Ты прав, — согласилась я. Собственный голос удивил неожиданной, стальной твердостью. — Я не подарю этому чудовищу больше ни секунды своего времени. Оформляй развод. Стены пусть оставляет себе. Мы закроем эту главу тихо.

Выйдя на крыльцо кофейни, я почувствовала, как холодные капли дождя остужают пылающее лицо. Гордость — это

всё, что у меня осталось, и я унесу её с собой, не опускаясь до унижительных, грязных судов.

До начала лекции у третьего курса оставалось чуть больше часа. Нужно было натянуть дежурную маску благополучия, дойти до корпуса на Покровке и войти в аудиторию. На ходу я достала телефон и открыла банковское приложение. Ночной кошмар с блокировкой основного счёта ещё стоял перед глазами, но внутри теплилась слабая надежда на дополнительную карту с солидным лимитом. Тимур выпустил её на моё имя в рамках своего премиального пакета, и я искренне верила, что это моя подушка безопасности.

Палец дрогнул на сканере, экран обновился. В ту же секунду к горлу подкатил тяжелый, удушливый ком, а воздух в легких словно превратился в колотое стекло.

Напротив иконки карты сиял жирный красный крест. Чуть ниже светилась сухая системная строчка: «Карта заблокирована основным владельцем счета. Доступ к средствам ограничен».

Пальцы онемели. Я судорожно пыталась обновить страницу, смахивая экран вниз раз за разом, но бездушные цифры не менялись. Тимур не просто вышвырнул меня из квартиры. Он методично, с яростью отрезал любые пути к отступлению. Режим полной финансовой изоляции в Москве был официально активирован.

На моём личном, скрытом счете оставались спасенные четыреста тысяч рублей. Мой единственный крошечный щит

в глухой к чужим бедам столице.